

Очерк пятый

СКАЧОК В СОЦИАЛИЗМ¹

В 1989 году в книге «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе» российский этнограф Сергей Поляков предложил отказаться от прежней концепции пережитков, популярной в советское время. Согласно этой концепции, народы Средней Азии в советское время сумели благополучно перейти от феодального (феодално-патриархального) строя к социалистическому, но, поскольку этот скачок через капитализм был стремительный и радикальный, в быту этих народов еще сохранились некоторые остаточные отношения и представления прошлого, которые просто пока не успели окончательно исчезнуть. По мнению же Полякова, полное превращение местного общества в современное не состоялось и то, что называлось пережитками, в действительности было его сутью даже в конце XX века: «Традиционализм всегда выступал как отражение социально-экономического строя, как образ жизни, основанный на специфической хозяйственной структуре»².

«Фундаментом азиатского общества, — пишет московский исследователь, — является община, основа которой — ирригационная система (принадлежит по существу государству) и частная собственность дехкана на землю <...> В обществах, где земледелие (то есть сельское хозяйство) основано на искусственном орошении, общине безразлично, какое по форме государство и какой аппарат создает условия функ-

¹ Некоторые идеи очерка изложены в моей статье: *Абашии С.* «Идеальный колхоз» в советской Средней Азии: история неудачи или успеха? // *Acta Slavica Iaponica*. 2011. Vol. XXIX. С. 1—26.

² *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М.: Центральный дом научного атеизма, 1989. С. 8.

ционирования ирригации. Главное состоит в сохранении внутренней структуры общины»³. Это принципиальное замечание обосновывает исходный элемент конструкции традиционализма: не имеет значения, какие изменения происходили в политической системе, в идеологии, в структуре народного хозяйства, главное — если на низовом уровне сохранялись частная собственность и частная экономика, то все общинные институты возрождались и продолжали существовать. Советская власть принесла лишь поверхностные изменения, но отношения собственности в кишлаке остались прежними, а потому прежними остались и социальные отношения, которые лишь мимикрировали под колхозные структуры: «На место ханской власти пришла советская, в ведение которой перешли крупные ирригационные системы <...> Структура последних не была нарушена — произошло только уравнительное перераспределение земли внутри общины, но способ ведения хозяйства остался тот же <...> Объединение дехкан в бригады и звенья не нарушило старых форм, поскольку производственные подразделения формировались по родственно-соседскому (махаллинскому) или племенному принципам»⁴. Традиционализм, как считает Поляков, основывался на личном приусадебном хозяйстве, арендованных землях и пастбищах, все это приобрело товарный характер (цена явно превышала затраты труда и позволяла получать высокую прибыль) и было связано с торговым капиталом (а также со взятками и другими формами влияния на государственных чиновников), то есть имело мелкобуржуазный характер. Механизмы производства и перераспределения в условиях такой экономики имели коллективистский характер и поддерживали соответствующие социальные структуры, нормы и ценности. Поляков пишет, что ситуация имела двойственную природу и характеризовалась разными тенденциями: существовал советский государственный сектор, но поскольку он не обеспечивал всех работой, то частный сектор остался фактически доминирующим.

Текст Полякова относится к популярному в конце 1980-х годов жанру критики «реального» социализма. Многие исследователи выражали в тот момент свои сомнения по поводу того, что построенный в СССР

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 13, 14.

социализм действительно является тем самым социализмом, который провозглашался в официальной советской идеологии. Эти сомнения особенно убедительно выглядели в отношении Средней Азии, где проведенное в середине 1980-х годов масштабное уголовное расследование (под руководством Гдьяна и Иванова⁵) выявило и представило на публичное обозрение многообразные свидетельства коррупции, приписок и другие примеры «несоциалистического» поведения. Жанр критики «реального» социализма породил множество различных объяснений вдруг обнаруженных и открытых фактов: Сергей Поляков увидел проблему в социальных и культурных (религиозных) особенностях самого общества, оказавшегося не готовым к социалистическим трансформациям, кто-то настаивал на том, что правящая верхушка исказила социалистические принципы и направила всю страну по другому пути, кто-то поставил под вопрос саму концепцию социализма как утопическую и лживую. Большинство этих версий подразумевало, что существует либо должно существовать правильное, или нормальное, развитие, которое действительно может обеспечить декларируемые ранее цели преодоления отсталости и феодализма. При этом такого рода критика нередко облекалась в форму ортодоксального марксизма или теории модернизации, которые декларируют неизбежный и закономерный ход истории в соответствии с заранее predetermined схемой. Все, что не вписывается в такую схему, объявлялось аномалией или отсутствием какого-либо развития вообще.

На мой взгляд, подобная логика вызывает целый ряд вопросов⁶. Первый из них — каким образом ранжировать те или иные социальные и экономические характеристики по шкале «современность/традиционность», как определить границу между ними? Приведу пример: Поляков пишет, что бюджет сельской семьи складывается из доходов, полученных в современном государственном секторе и традиционном

⁵ См., например: *Гдлян Т., Иванов Н.* Кремлевское дело. Ростов-на-Дону: Книга, 1994.

⁶ Кстати, такую логику можно найти и в зарубежных, а не только в советских работах. Очень похожую на концепцию Полякова модель предложил влиятельный французский политолог Оливье Руа (см.: *Roy O.* *The New Central Asia: The Creation of Nations.* London: I.B. Tauris, 2000. P. 85—100; *Roy O.* *Groupes de solidarite au Moyen-Orient et en Asie centrale: Etats, territoires et reseaux // Le Cahiers du CERI.* 1996. № 16).

личном; поскольку второй «намного по доходности превосходит» первый, то, значит, можно говорить о мелкобуржуазном характере семейной экономики, которая и является фундаментом традиционализма⁷. Но как быть, допустим, с тем фактом, что бюджет семьи в сельской местности складывался из тех же источников иногда в равной пропорции, а иногда в соотношении три к двум или два к одному?⁸ Можно ли назвать такой смешанный тип хозяйственной деятельности современным (социалистическим) или традиционным (мелкобуржуазным), достаточно ли вообще этих двух категорий для его описания, нужно ли вводить какую-то третью — промежуточную — категорию и насколько вообще правомерен такой способ анализа?

Другая тема — внутренние диспропорции и зависимости, которые создавались внутри советского общества. «Специфика хлопкосеющих районов и не хлопкосеющих, — утверждает Поляков, — принципиального значения не имеет»⁹. Однако именно хлопковая монополия, которая являлась для кремлевского руководства стратегическим интересом, во многом определяла структуру среднеазиатской экономики. Хлопок требовал больших трудовых затрат, поэтому государство, не успевавшее инвестировать средства в новые аграрные технологии, было заинтересовано в том, чтобы удерживать местных жителей в сельской местности, ограничивая их мобильность разного рода запретительными мерами и одновременно привязывая их к плантационному хлопковому производству личными приусадебными участками и разного рода социальными льготами; промышленное же развитие осуществлялось за счет стимулируемой миграции в регион русскоязычного населения из других республик СССР¹⁰. Выходит, что традиционализм был одним из

⁷ Поляков С.П. Традиционализм. С. 18.

⁸ См. мою статью: *Абашин С.* Семейный бюджет сельских узбеков // Восток. 2000. № 2. С. 61—77. См. также: *Ташибаева Т.Х., Савуров М.Д.* Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. Ташкент: Фан, 1989. С. 69—97.

⁹ Поляков С.П. Традиционализм. С. 20.

¹⁰ См., например, достаточно цельный и убедительный анализ экономики советского Узбекистана: *Растяжников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. См. также: *Thurman J.* The «Command-Administrative System» in Cotton Farming in Uzbekistan 1920s to Present // Papers on Inner

последствий советской политики по созданию специализированных региональных экономик, которые вместе образовывали самодостаточный и вполне современный — в смысле рационального устройства — рынок обмена ресурсами?

В книге Полякова, на мой взгляд, поставлены интересные вопросы, но автор не всегда решает их, опираясь на детальное исследование экономики и социальной жизни Средней Азии, и не всегда учитывает большое разнообразие экономических и социальных типов, существующих в регионе. Отталкиваясь от этих вопросов, в настоящем очерке, который будет самым объемным в книге и насыщенным разнообразной статистикой, я собираюсь рассказать об экономической истории Ошобы в советское время. Меня интересуют прежде всего история воплощения модернистских проектов и динамика изменений в Ошобе, которая за несколько десятилетий превратилась из небогатого, расположенного на малодоступной горной окраине селения в крупнейшего производителя хлопка, стремительно осваивающего новые географические и социальные пространства. Особым фокусом моего внимания будут техники и практики власти, способы контроля за ресурсами и людьми, механизмы перераспределения ресурсов между государством и локальным сообществом, а также внутри локального сообщества. Не меньше меня интересуют и те скрытые, иногда легальные, иногда полулегальные, а иногда и полностью нелегальные экономические практики, с помощью которых ошобинцы осваивали и присваивали вновь открывающиеся возможности, их экономические тактики и стратегии, их включенность в процессы трансформации и исключенность из них. Я предлагаю проследить путь, который прошла Ошоба с 1920-х до 1990-х годов, и попытаюсь нарисовать хотя бы контуры сложной ошобинской мозаики, состоящей из множества элементов — используя словарь Полякова — традиционализма и современности¹¹.

Asia. 1999. № 32; *Rumer B. Central Asia's Cotton Economy and Its Costs // Soviet Central Asia: The Failed Transformation / W. Fierman (ed.). Westview Press, 1991. P. 62—89.*

¹¹ Попытку анализа микростории среднеазиатского колхоза в советское время см.: *Trevisani T. Land and Power in Khorezm: Farmers, Communities, and the State in Uzbekistan's Decollectivisation. Berlin: Lit Verlag, 2010. P. 57—95.*

От досоветской экономики к колхозу

Преодоление кризиса

Летом и осенью 1917 года, в уже начинавшемся хаосе, была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись. Семь лет спустя была опубликована только часть материалов, согласно которым в сельском обществе Ошоба насчитывалось 304 хозяйства и 996 человек, включая 511 мужчин и 485 женщин. В этой переписи не было отдельных экономических категорий, но была новая категория — «отсутствующие более одного месяца», каковых было насчитано 74 человека (69 мужчин и 5 женщин)¹². Все эти цифры вызывают удивление. Напомню, что в 1909 году здесь было 457 хозяйств и 2400 человек; следовательно, число хозяйств с 1909 по 1917 год сократилось на треть, а численность населения — на 60%!

В архивах Ходжента я нашел выписки из неопубликованных материалов сельскохозяйственной переписи, в которых приводились данные по земельным владениям Ошобы: 21,7 дес. — усадьбы, 0,4 — сады, 258,9 — пашня (в том числе 14,1 — посевы), всего 381,0 дес.¹³ Иначе говоря, пашня в кишлаке в 1917 году сократилась, по сравнению с данными экспликации 1899 года, на 30—40%.

Объяснить причины такого большого расхождения между более ранними данными и данными за 1917 год, исключая ничем не подтверждающийся вариант массовой гибели ошобинцев в этот промежуток времени, можно только двумя способами. Видимо, начавшиеся экономические проблемы, желание избежать призыва на фронт и просто нестабильность вынудили больше половины населения уехать в более зажиточные

¹² Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской Республике. Вып. 4. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года. Ташкент: ЦСУ Туркеспублики, 1924. С. 43.

¹³ Выборочные карточки землепользования Ходжентского и Наманганского уездов // ГАСО РТ, ф. 5, оп. 1, д. 112. Л. 41. В эти цифры явно вкралась ошибка: 21,7 + 0,4 + 258,9 в сумме дают 281,0, а не 381,0. Прибавлены или, наоборот, потеряны 100 дес. — непонятно; слишком заниженной, пусть и для революционного года, кажется и цифра посевов — 14,1 дес.

и более спокойные регионы или укрыться в горах¹⁴. При этом, правда, в том же источнике говорилось об отсутствии лишь 3% населения. Эти и другие несостыковки в статистике можно объяснить и тем, что в 1917 году власть, которая формально уже не являлась колониальной, была не в состоянии контролировать население и проводить тщательное статистическое исследование, а потому пользовалась непроверенными сведениями, полученными от сельских и волостных руководителей, которые, наученные опытом мобилизации местного населения на военные работы, попросту скрывали действительное число наличных и уехавших жителей.

Бегство ли населения, слабый ли контроль власти за населением — в любом случае эти статистические данные говорят о серьезном кризисе. Хотя экономика Ошобы основывалась на зерноводстве, а не на хлопководстве, кишлак не мог из-за крайнего малоземелья автономно обеспечивать себя необходимым продовольствием и товарами, поэтому местные жители испытывали нужду в заработках и продовольствии наравне с населением хлопководческих районов Ферганской долины. У кризиса была также и политическая сторона: тот факт, что власть не могла собирать достоверные сведения о кишлаке, хотя бы на прежнем уровне, говорит о резком снижении контроля и существенных сбоях в функционировании управленческой машины.

Сельскохозяйственная перепись 1917 года интересна еще и как попытка подробного описания населения региона. В ходе ее была применена детальная классификация хозяйств. К сожалению, как я говорил, только часть из ее материалов была опубликована по отдельным селениям. Однако существует поволостное и порайонное описание того, что увидела перепись (табл. 1, 2).

По причинам, изложенным выше, доверять такого рода статистике надо с очень большой осторожностью. В этом случае любопытен сам факт попытки стандартного, подробного и сплошного описания социальных и экономических категорий местного населения. Были введены дробные субкатегории хозяйств по признакам наличия или отсутствия разных

¹⁴ Согласно другим материалам той же переписи 1917 года, 60% всех хозяйств Аштской волости числилось отсутствующими (табл. 1).

Таблица 1

**Демографический и социальный профиль населения
Аштской и Бабадарханской волостей в 1917 году**

	Аштская волость	Бабадарханская волость
<i>Наличное и отсутствующее население</i>		
Приписанные хозяйства	1734	2127
Посторонние хозяйства	8	7
Отсутствующие хозяйства	1165	934
Мужчины	3633	3730
Отсутствующие мужчины	202	1086
Женщины	2932	2965
Отсутствующие женщины	29	81
Всего населения	6565	6695
<i>Владение землей и скотом</i>		
Хозяйства без скота	613	745
Хозяйства без рабочего скота	1028	1374
Хозяйства без коров	1185	1482
Хозяйства без земли	29	4
Хозяйства только с усадьбой	201	194

Источник: Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года. Вып. 2. Поволостные итоги Ферганской области. Самарканд: ЦСУ Узбекской ССР, 1925. С. 12—15.

Таблица 2

**Размеры земельных наделов в Аштской и Бабадарханской волостях
в 1917 году**

Дес.	Поливная земля, %	Богарная земля, %
До 1/6	17,6	19,8
1/6—2/6	20,9	18,4
2/6—3/6	11,2	13,3
3/6—4/6	9,1	10,0
4/6—5/6	7,4	8,2
5/6—1	5,6	5,1
1,01—1,5	12	10,6
1,5—2	6,0	4,9

Дес.	Поливная земля, %	Богарная земля, %
2,01—3	5,4	5,3
3,01—4	2,0	1,6
4,01—5	1,3	1,3
5,01—10	1,2	0,2
10,01—15	0,2	—
15,01—20	0,1	—

Источник: Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года. С. 51, 52.

видов скота, земельных наделов, с количественной оценкой размеров последних. При этом власть интересовали другие виды хозяйственной деятельности, а также культурные (образование) и демографические характеристики — все они тоже учитывались в переписном листе (правда, не были опубликованы в виде поселенных или поволостных сводок). В переписи обращает на себя внимание сам факт того, что российская власть попыталась, причем именно во время войны, обозначить переход от прежней политики осторожного описания и регулирования к политике масштабной интервенции научного (и статистического) знания в надежде использовать полученную информацию для столь же масштабного перепланирования политического, социального и культурного пространства всей Средней Азии (как и всей территории бывшей Российской империи). В 1917 году эта попытка терпит поражение из-за набирающих силу конфликтов и ослабления государственных институтов, но в 1920-е годы советская власть реализует ее полностью.

Завершающим актом нормализации ситуации и полного подчинения кишлака новой власти стало проведение Всесоюзной переписи 1926 года. К сожалению, полных ее данных по Ошобе нет (или я не смог их найти)¹⁵. Они опубликованы частично: в сельском совете было 551 хо-

¹⁵ Во время переписи 1926 года выясняли следующие характеристики: пол и возраст, народность и родной язык, место рождения и продолжительность проживания в месте переписи, грамотность, физические недостатки и психическое здоровье, занятие (главное и побочное), отрасль труда, состав семьи, брачное состояние, продолжительность брака и жилищные условия.

зьяйство и 2661 человек (1452 мужчины и 1209 женщин)¹⁶. В 1917 году, напомним, перепись зафиксировала здесь 304 хозяйства и 996 жителей. В 1925 году, по материалам 10%-ной переписи и местного учета, здесь насчитывалось 138 хозяйств и 1127 человек¹⁷. В 1926 году демографические показатели значительно превосходили не только эти уровни, но и уровень 1909 года, когда в сельском обществе было 2400 человек. Такой стремительный рост численности ошобинцев говорит прежде всего о возвращении большинства беженцев и мигрантов обратно в кишлак¹⁸, что, в свою очередь, означало прекращение боевых действий и окончание голодных времен — люди восстановили свои дома и хозяйства. Перепись показала также, что власть вернула себе контроль над местным сообществом — она вновь была способна «видеть» жителей кишлака и подсчитывать их, наблюдать за их поведением и социальными связями.

Накануне Великого перелома

Установление советского военного и политического доминирования в регионе привело к осознанию новой задачи — получения экономической выгоды. Империя решала эту задачу через сбор налогов, основными расчетными показателями которых были размер обрабатываемой площади и средняя урожайность. Большевики стремились вести государственный учет производства реальных объемов продукции¹⁹. Эта

¹⁶ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд: ЦСУ УзССР, 1927. С. 181.

¹⁷ Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. Вып. 3. Ферганская область. Самарканд: ЦСУ УзССР, 1925. С. 81. В других источниках говорится о 180 хозяйствах (Материалы по районированию Узбекистана. Вып. 2. Список населенных пунктов. Кн. 7. Округ Коканд. Самарканд: ЦКР Узбекистана, 1926. С. 5).

¹⁸ Кстати, если взять за основу данные 1909 года и средний ежегодный прирост населения в 1,4%, то в 1926 году население Ошобы должно было бы составить около 3040 человек, из чего вытекает, что в годы Гражданской войны от ранней смертности и невозвратного выезда Ошоба потеряла около четырех сотен человек.

¹⁹ Идея государственного контроля за поставками зерна зародилась до прихода большевиков к власти (см.: *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002).

задача имела вполне прагматическую цель максимизации и присвоения ресурсов, но кроме того, она одновременно отражала идеологические установки большевиков, которые надеялись с помощью активного государственного вмешательства в экономику осуществить социальные и технологические реформы в обществе.

Контроль за продукцией требовал от государства применения новых механизмов управления. В конце 1920-х годов вышестоящая власть ввела порядок заключения договоров (контрактация²⁰), по которым крестьяне были обязаны продавать часть урожая государственным закупочным организациям по фиксированным ценам (хлопок продавался весь). Выглядело это, по воспоминаниям ошобинцев, так: из районного центра (Шайдана) приезжал землемер (*танобчи*), который при содействии пятидесятников (потерявших прежний официальный статус, но, видимо, по-прежнему избиравшихся населением) обмерял землю и составлял планы для каждого крестьянина на поставку определенного количества зерна, что напоминало доимперскую практику Кокандского ханства. Кроме того, в Ошобе существовал пункт (*ширкат*), в котором заключали обязательные договора с ошобинцами на поставку абрикосов и других фруктов, а также коконов шелкопряда. В этом пункте можно было приобрести саженцы (и, видимо, яйца шелкопряда), а также другие товары, которыми государство могло оплачивать закупки местной продукции. Как вспоминают, пункт действовал еще в середине 1930-х годов и в нем работал некто Кадыркул из Гудаса.

Параллельно с попытками установить контроль над продукцией советская власть собирала систематическую информацию о кишлаке. При этом по своей интенсивности усилия, предпринимаемые советскими чиновниками для выяснения всех деталей социально-экономической жизни Ошобы и их тщательной классификации, намного превосходили все прежние попытки имперских чиновников и статистиков собрать сведения о кишлаке. После Всесоюзной переписи 1926 года появляются

²⁰ *Holzman F.D.* Soviet Taxation: The Fiscal and Monetary Problems of a Planned Economy. Cambridge: Harvard University Press, 1962. P. 161, 162; *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. Evanston: Northwestern University Press, 1968. P. 268, 269.

регулярные республиканские переписи и сбор текущей статистической информации местными органами управления. Здесь можно найти многообразные — и часто противоречащие друг другу — данные о размерах земельных наделов, составе выращиваемых культур, количестве и видах скота, найме рабочей силы и аренде и так далее.

Таблица 3

Численность населения сельсовета Ошоба в 1928, 1929 и 1932 годах

	1928 год	1929 год ¹	1932 год ²
Хозяйства ³	583	612	734
Население (муж./жен.)	?	3192 (1670/1522)	4027

Источники: Список населенных пунктов Узбекской ССР 1928 года. Ч. 7. Округ Фергана. Самарканд: ЦСУ УзССР, 1929. С. 3; Краткие поселенные бланки по учету хозяйств Ходжентского округа, 1928 год // ГАСО РТ, ф. 3, оп. 1, д. 165. Л. 39, 39 об.; Итоги единого сельскохозяйственного учета по Аштскому району (за 1927—1930 годы) // ГАСО РТ, ф. 3, оп. 1, д. 329. Л. 5, 5 об.; Список населенных пунктов Таджикской ССР. Сталинабад: Управление народнохозяйственного учета Таджикской ССР, 1933. С. 7.

¹ По другим данным: 626 хозяйств и 3222 человека (ГАСО РТ, ф. 3, оп. 1, д. 266. Л. 83).

² По другим данным: 732 хозяйства и 3943 человека (ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 1, д. 4. Л. 108).

³ В 1928 году селение Аксинджат — 30 хозяйств — числилось в составе сельского совета Гудас, в 1932 году — в составе «джамсовета Ашоба».

Собранные в тот период сведения, со всеми оговорками о степени их достоверности, позволяют сделать несколько общих замечаний об Ошобе. Численность населения сельского совета в 1920-е и начале 1930-х годов быстро росла (табл. 3). Это можно объяснить нормализацией жизни в кишлаке, экономическим подъемом и возвращением многих из тех, кто в годы кризиса и военных столкновений уехал из Ошобы (а счет им шел, видимо, на сотни человек). Резкое увеличение количества жителей сельсовета объясняется также тем, что где-то на рубеже 1920—1930-х годов в его состав был включен выселок Аксинджат, который до этого, хотя и был населен ошобинцами, административно всегда относился к сельскому обществу/совету Гудас.

**Социально-экономический портрет населения Ошобы
в 1929 и 1932 годах**

	1929 год	1932 год
<i>Площади и структура посевов, 1929 год — тананьы, 1932 год — гектары</i>		
Усадьбы	95 1/2	?
Сады	279 3/4	37,16
Виноградники	4 1/2	
Посевы	1626 3/8	?
Прочие удобные земли	321 1/2	?
Вся поливная земля	2337 5/8 ¹	?
Табак	Нет	27,39
Бахчи	8 1/8	10,89
Огороды	35	?
Картофель		15,63
Сахарная свекла	—	—
Рис	1/4	—
Хлопок	8 1/2	—
Пшеница	816 3/4	117,05
Ячмень	37 1/2	3,66
Просо	152 1/4	25,68 ²
Кукуруза и джугара	151	12,27
Бобовые	1	—
Масличные	10 3/4	19,09 ³
Люцерна 1-го года	34	—
Люцерна прошлых лет	212 1/2	
Прочие поливные земли	159 1/2	—
Все поливные посевы	1626 3/8	—
Пшеница на богарных посевах	3/4	5,81 ⁴
<i>Поголовье скота</i>		
Лошади	113	204
Крупный рогатый скот (в том числе коровы/рабочие волы)	392 (146/37)	406 ⁵ (295/47)
Верблюды	2	—
Ослы	552	618
Мелкий рогатый скот ⁶	?	128

Продолжение табл. 4

	1929 год	1932 год
Хозяйства с курдючными овцами	76	—
Курдючные овцы	2018	2359
Хозяйства с козами	259	—
Козы	8033	9223
<i>Социальная структура</i>		
Хозяйства с наемной рабочей силой (число наемных рабочих)	8 (8)	?
Хозяйства, нанимавшие рабочую силу в прошлом году (нанято человеко-дней)	27 (3090)	?
Хозяйства с неземледельческим заработком	46	?
Хозяйства с сельскохозяйственными батраками	—	?
Хозяйства, арендующие землю	—	?
Хозяйства, сдающие землю в аренду	7	?
Хозяйства, берущие аренду	—	?
Хозяйства без посевов	59	?
Хозяйства с посевами только на поливных землях (засеяно)	552 (1624 7/8)	?
Хозяйства с посевами только на богарных землях	—	?
Хозяйства с посевами на поливных и богарных землях (засеяно)	1 (2 1/4)	?
Хозяйства с посевами хлопка	8	?
Хозяйства с посевами люцерны	276	?
Хозяйства с посевами бахчевых	8	?
Хозяйства с огородными посевами	71	?
Хозяйства с виноградниками	4	?
Хозяйства с садом	184	?
Хозяйства без скота	83	?
Хозяйства без рабочего скота	495	?
Хозяйства без коров	467	?
Шелководство	—	?
Пчеловодство	—	?
<i>Налоги, руб.</i>		
Сельхозналог	?	6457,26
Водосбор	?	1526,62
Госстрах	?	3692,88
Неналоговый доход (руб.)	?	6841,51

Источники: ГАСО РТ, ф. 3, оп. 1, д. 329. Л. 5—6; ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 1, д. 4. Л. 108.

¹ В другом документе сказано, что в 1928 году было 2964,09 тан. (или 494,68 дес.) поливной земли, 103,3 тан. (17,17 дес.) — богарной, всего же было 3546,0 тан. (591 дес.) земли.

² Кунак.

³ Кунжут.

⁴ Все богарные посевы.

⁵ Суммированная цифра.

⁶ Эта категория была выделена в переписи 1932 года — не очень понятно, что имелось в виду.

Согласно данным 1929 года (записанным в танапах), всего за сельским советом числилось округленно 390 га поливной земли, из них около 280 были под посевами, около 50 — под садами и виноградниками, чуть больше 15 га — под усадьбами (остальное, видимо, пар и перелог)²¹. Перепись 1932 года дает еще меньшие цифры (табл. 4). Указанные площади были примерно такими же, как и в 1917 году, что, как я уже сказал, на 30—40% меньше, чем по данным экспликация 1899 года. Сложно, однако, сказать, произошло ли реальное уменьшение посевов, которое не удалось восстановить за десятилетие, или же статистики в 1917, 1929 и 1932 годах описали только их часть — например, вокруг селения Ошоба, исключив посевы в горной местности.

Советские статистики, в отличие от колониальных, интересовались всей номенклатурой посевных культур, а не только общей площадью и видами земли. Вместе с пшеницей упомянуты в качестве популярных культур люцерна, просо, джугара (сорго), выращивались в 1929 году в небольшом количестве хлопок и даже рис. При этом пшеница, как и в 1899 году, составляла чуть меньше половины всех посевов. По сравнению с авторами статистического описания 1899 года, советские чиновники обратили внимание и на другие виды хозяйственной деятельности в Ошобе. Из материалов учета 1929 и 1932 годов мы впервые узнаем более подробные детали — о том, какие виды скота и в каком

²¹ У Ошобы было 4 тан. вакуфной земли, которые находились в Ходжете (ГАСО РТ, ф. 3, оп. 1, д. 165. Л. 39 об.). Вакуф — собственность, навечно приписанная к тому или иному религиозному учреждению, которое содержится на доходы от нее. К какому ошобинскому учреждению (мечети или святому месту) был приписан вакуф, мне не известно.

количестве имелись в хозяйствах жителей Ошобы, то есть о том, что животноводство, прежде всего козоводство и овцеводство, было важной отраслью местной экономики²². Наконец, мы видим в этих материалах попытку описать социально-экономические отношения в ошобинском обществе — аренду, наем рабочей силы, несельскохозяйственные промыслы. Из данных, которые трудно проверить, следует, что преобладающей — до коллективизации — формой хозяйства был семейный труд на собственном крошечном земельном наделе.

Несмотря на некоторый скепсис в отношении результатов статистических опросов, я отметил бы то обстоятельство, что сами эти опросы, даже если они не всегда точно отражали реальность, подтверждают усиление интервенции власти в жизнь ошобинского сообщества, стремление увидеть и, следовательно, подчинить его. Это указывает на появление новых практик в отношениях между властью и местными жителями. Классифицировать социальные категории, подсчитать и присвоить их теперь означало не единичное за многие годы действие чиновников, а постоянную заботу и рутину управления, что меняло всю конфигурацию отношений и техник власти. Вместо локальных практик и локального опыта, приспособленных к повседневным взаимодействиям внутри местного сообщества и закрытых от внешнего взгляда, возникали формализованные практики структурирования и иерархизации, открытые для внешнего контроля и доступные для внешнего воздействия.

Доколхозная социальная структура

При всем желании увидеть, вслед за Поляковым, существующую к моменту коллективизации традиционную экономику, следует признать — реальная картина получается очень противоречивой. Расчеты данных 1929 года показывают, что примерно 10% всех хозяйств в Ошобе

²² Ошобинское хозяйство можно отнести к типу, который составители сборника «Типы хозяйства Туркестана» назвали «киргизское полукочевое» (см.: Типы хозяйства Туркестана (Очерки морфологии сельского хозяйства Средней Азии). Ташкент: САГУ, 1924. С. 51—57).

не имели посевной земли. Остальные владели в среднем тремя танапами (0,5 дес.) посевов на одно хозяйство²³. Еще примерно каждое четвертое хозяйство имело сад средним размером в 1,5 танапа. Даже предположив, что какая-то часть земли укрывалась от учета, мы видим характерное для местного аграрного строя крайнее малоземелье. Чуть меньше чем в половине хозяйств держали коз (в среднем по 30 голов на одно хозяйство), чуть больше чем в 10% хозяйств — овец (также в среднем по 30 голов). Только в каждом четвертом хозяйстве была своя корова. В большей части хозяйств не имелось рабочего скота, а значит, их члены были вынуждены брать его на время у своих соседей в обмен на часть урожая.

При этом названные мной средние цифры скрывают заметные различия как в размерах земли, так и в статусе владения ею. В другом документе 1929 года — карточке сельсовета — мы находим некоторые сведения о социальной структуре ошобинского сообщества: там говорится о двух кулаках-нанимателях, 19 чайрикерах (арендаторах-издольщиках), девяти поденных рабочих, а также сообщается, что сельское общество нанимало двух сторожей, одного кустаря, пять пастухов и 15 рабочих на сельскохозяйственные работы²⁴. О достоверности этих цифр говорят материалы выборов руководителей сельсовета в ноябре 1927 года, где упоминаются совершенно иные показатели: в сельском обществе было 738 жителей, из них старше 18 лет — 426 человек; 10 человек были лишены избирательных прав (один имел «нетрудовые доходы», два торговца-посредника, шесть представителей духовенства, один в категории «прочие»); из 416 обладающих правом голоса на выборы явилось 289 человек (270 мужчин и 19 женщин); в числе явившихся было 65 батраков, 68 чайрикеров (арендаторов-издольщиков), 53 малоземельных, 50 середняков, 24 кустаря, все 19 женщин были домохозяйками²⁵.

²³ Это было примерно в три-четыре раза меньше средних показателей по Ферганской долине (см.: *Ярошевич Н.К.* Организация крестьянского хозяйства Средней Азии (популярный очерк). Самарканд; Ташкент: Узбекский госиздат, 1926. С. 61).

²⁴ ГАСО РТ, ф. 3, оп. 1, д. 266. Л. 83.

²⁵ Отчеты о выборах сельских советов по Аштскому району. 1926—1927 год // ГАСО РТ, ф. 372, оп. 1, д. 8. Л. 75, 75 об. Там же сказано, что из 289 человек 261 — узбеки по национальности, 28 — таджики и что 54 человека — члены Союза Кошки.

Иными словами, вопреки информации 1929 года, согласно которой 90% хозяйств имели свои посевы, материалы 1927 года показывают, что значительная часть ошобинцев либо работали на чужой земле (как временные рабочие или издольщики), либо прирабатывали промыслами и только каждое четвертое хозяйство могло осуществлять собственное более или менее полноценное сельское производство.

Впрочем, все такого рода данные надо интерпретировать осторожно. Во-первых, вероятнее всего, они были получены путем опроса, а не подробного похозяйственного измерения. В том же 1927 году, как я уже говорил, власть не имела полной картины экономической деятельности в Ошобе и продолжала пользоваться материалами прежних поземельно-податных работ и сельскохозяйственной переписи 1917 года. Во-вторых, политически и идеологически ангажированная, советская статистика использовалась как инструмент для конструирования образа общества, разделенного на антагонистические классы²⁶. При этом происходили манипуляции одними показателями и игнорирование других — отсюда, видимо, и расхождение между цифрами 1927 и 1929 годов.

Нельзя сказать, что классовый подход вовсе не имеет под собой никаких оснований и является исключительно идеологической схемой. Однако возможны и альтернативные объяснения того, как возникало социальное расслоение. Автор работы «Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области», написанной в начале 1920-х годов (на материалах 1915 года), предлагал такой взгляд: «В экономике сартовского хозяйства <...> все время происходит два процесса — развития и распада, или упадка, хозяйства <...>. Из краткого описания истории каждого хозяйства устанавливается следующая общая картина хозяйственного развития: хозяйство с сильным трудовым ядром, но без средств производства, то есть без земли и инвентаря, обычно начинает с малого — отдельные

²⁶ В 1920-е годы сбор хозяйственной и бюджетной статистики приобрел регулярный и весьма изощренный характер. Кроме упомянутых выше работ см.: Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Вып. 1—11 / Б. Карп, И. Сулов (ред.). Ташкент: Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б), 1926—1927; Бюджеты крестьянских хозяйств хлопковых районов Средней Азии. По материалам текущих наблюдений за 1926/1927 годы. Вып. 1—6. Ташкент: Главный хлопковый комитет, Управление уполномоченного в Средней Азии, 1929—1930.

члены семьи — работники мардикерствуют, затем снимают землю в аренду, далее покупают землю, танап за танапом <...>. Когда размеры землевладения перевалят за трудовую норму и когда свои члены семьи не в состоянии обработать своей земли, последняя сдается чайрикерам. Такую эволюцию проходят хозяйства по пути их расширения»²⁷. Дифференциация хозяйств по мощности и типу организации рассматривалась, таким образом, как результат не столько принадлежности к тому или иному классу, сколько различий в размерах и составе семей, то есть как результат достижения конкретной семьей определенной фазы демографического развития²⁸. В последней модели есть своя доля истины. Пожилые ошобинцы говорили мне, например, что в прошлом нередко отец давал своим сыновьям землю в издольную аренду. Из этого следует, что отношения, которые описывались советской статистикой как классовые и антагонистические, в действительности имели характер внутрисемейного распределения власти, прав и обязанностей.

Впрочем, в условиях малоземелья, рискованного, не всегда дающего хорошие урожаи земледелия, когда земля стоила немного и на ней нельзя было выращивать приносящие высокую прибыль хлопок или рис, а также в условиях бурных политических катаклизмов экономические стратегии людей имели гораздо больше вариантов, нежели только увеличение земельного надела. Очень многие, особенно вдовы и разведенные женщины, вынуждены были продавать свою земельную собственность и другое имущество, иногда за небольшие суммы²⁹. Многие, как я уже говорил, занимались скотоводством или выживали благодаря изготовлению ковровых изделий.

Одной из основных стратегий выживания в 1920-е годы, даже после окончания военных действий, была миграция. Значительная масса

²⁷ Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 года с приложением очерка «Хозяйства сартов Туркестанского уезда, Сыр-Дарьинской области». М.: Издание Экономического совещания ТСССР, [1924]. С. XXV.

²⁸ Авторы исследования находились под явным влиянием работ А.В. Чаянова (см.: *Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды.* М.: Экономика, 1989).

²⁹ Об этом, в частности, говорят документы из архива Я.А. (см. Очерк 3). Они показывают также, что нередко такого рода сделки становились предметом тяжб, поскольку, видимо, могли совершаться под давлением и на несправедливых условиях.

ошобинцев, как свидетельствовали воспоминания, уезжали из кишлака в Ташкент, в Коканд, в другие города и занимались там разными ремеслами (в частности, хлебопечением), работали поденщиками или становились рабочими, служили в милиции, искали любую работу, которая помогала содержать семью. Отрывочные данные о такой миграции есть в архивах: в отчете о работе сельского совета за 1929 год говорилось, что населению Ошобы было запрещено пользоваться горными (текст здесь, к сожалению, не очень разборчив) участками — общим размером до 500 десятин (?!), в результате чего многие хозяйства переехали в Ташкентский округ³⁰. Тем не менее при первой возможности ошобинцы возвращались обратно, чтобы вновь заняться сельским хозяйством.

Сталинские колхозы

Колхозная экономика

Я пропускаю историю с коллективизацией, так как говорил об этом в предыдущем очерке³¹. На 1 января 1935 года в Ошобе был один колхоз, в котором было 48 домохозяйств и 218 человек, единоличников — соответственно 618 и 3714; к июню того же года число колхозных домохозяйств и их членов уменьшилось до 40 и 183, число единоличников также уменьшилось — соответственно до 585 и 3632. Около 40 домохозяйств (более 100 человек), видимо, выехали из Ошобы. В единственном колхозе было 19 рабочих жеребцов, 23 овцы, 78 коз, пять ослов³². В 1936 году в Ошобе было три колхоза и в них 125 хозяйств и 676 человек, единоличников оставалось 538 домохозяйств и 3337 человек плюс четыре человека — рабочие и служащие³³. По другим данным, уже в 1935 году в сельсовете Ошоба было четыре колхоза, 464 колхозных и 135 других

³⁰ Акты обследования сельских советов Ходжентского округа // ФАСО РТ, ф. 572, оп. 1, д. 519. Л. 96 об. К сожалению, не вполне понятно, о какого рода запрете идет речь.

³¹ См. Очерк 4.

³² ФАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 128. Л. 205 об. — 206 об.

³³ Там же. Л. 205 об.

дворов, в 1936 году — четыре колхоза, 528 колхозных и 90 прочих хозяйств³⁴.

Несмотря на противоречивые данные, ясно, что в отличие от многих других регионов, где коллективизация в основном завершилась к середине 1930-х годов, в Ошобе колхозы окончательно утвердились только к концу 1930-х, а в 1933—1935 годах они существовали скорее на бумаге, чем в реальности. Такое запаздывание объясняется, видимо, удаленностью кишлака, его печальной басмаческой славой и, что, пожалуй, самое главное, скудностью ресурсов, которые могли представлять интерес для государства. Все внимание чиновников было сосредоточено на хлопке, и Ошоба, где выращивались лишь зерновые (да и те в весьма скромных объемах), не представляла для них большого интереса.

Колхозы создавались прежде всего как более эффективный, нежели контрактация, инструмент для контроля за урожаем и другими ресурсами. По рассказам ошобинцев, всю собранную в колхозах сельсовета пшеницу складывали в общий амбар, после этого председатель сельсовета, который получал из районного центра план ее сдачи, определял каждому колхозу, сколько пшеницы тот должен сдать государству; положенную норму на арбах отвозили в селение Булак, где находился приемный пункт. Оставшуюся пшеницу делили: часть оставляли на семена, остальное распределяли согласно начисленным трудодням.

Что касается фруктовых садов, то нередко колхоз оставлял колхозникам ту часть их прежней земли, которая должна была быть отрезана в фонд колхоза как излишек. На этот излишек заключали с колхозником договор, по которому владелец должен был поставить с него в колхоз определенный набор продукции. Все, что превышало план сдачи, оставалось колхознику, и при большом урожае такие остатки бывали очень большими. Если же колхозник не выполнял договор сдачи, то в счет этого долга колхоз мог списать с колхозника его трудодни, заработанные уже в колхозе. То же самое было со скотом: за колхозником оставалось определенное количество голов, но при этом он был обязан сдавать оговоренное число приплода. Какой должна быть эта норма-план для

³⁴ Статистический отчет о массовой работе сельсовета в 1935 году // ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 1, д. 15. Л. 16; Статистический отчет о работе сельсовета в 1936 году // Там же. Л. 59.

каждого конкретного двора, решал бригадир или сам председатель колхоза, то есть при определении этого плана могли учитываться отношения колхозника с бригадиром или председателем — так мне всегда говорили, когда объясняли суть сделки. Часть полученных от колхозников фруктов и скота колхозы сдавали государству, а оставшееся продавали на рынках и раздавали на трудодни в счет оплаты. За всю сданную государству продукцию колхозы получали от него деньги, которые затем частично тратились на закупку каких-то необходимых вещей, частично раздавались колхозникам на трудодни.

Система управления колхозом в этот исторический период была довольно компактной: в нее входили председатель (*раис*), его заместитель (*муавин*), ревизор, бухгалтер, главный табельщик, амбарщик-завхоз, а также бригадиры, табельщики и заведующие фермами. Раис решал самые общие вопросы и давал указания нижестоящим работникам. Заместитель подменял его в случае необходимости, а кроме того, отвечал за какое-нибудь одно важное направление работы. Бухгалтер вел все финансовые дела, главный табельщик следил за трудоднями, завхоз — за учетом продукции и колхозного имущества. Обязанностью колхозного ревизора, который формально избирался на общем собрании, было определить, какой примерно урожай будет в текущем году на том или ином участке, и подтвердить те итоги деятельности колхоза, которые объявлялись колхозным начальством.

Важная функция колхозного руководства — предоставление ежегодных отчетов, в которых надо было описать по стандартной классификации все основные результаты работы колхоза. На первый взгляд такое «открытие» себя вышестоящему руководству было одним из наиболее ответственных моментов, поскольку правильная отчетность служила гарантией от тех или иных обвинений и демонстрировала достигнутые успехи. Правда, надо сказать, что многочисленные отчеты, которые я просмотрел в архивах, заполнены очень формально, часто даже небрежно. По-видимому, это логическое следствие избыточной бюрократизации — количество бумаг и цифр, призванных дать исчерпывающую информацию о колхозе, стало таким большим, что их невозможно было контролировать, а значит, и заполнение бумаг превращалось в формальную рутину.

Хочу еще обратить внимание на то, что классификационные рубрики с годами претерпевали изменения и новые часто не соответствовали прежним, наконец, информация колхозных отчетов нередко не совпадает с информацией других служб и ведомств. Это, с одной стороны, затрудняет работу со статистикой, а с другой — доказывает, что статистика не преследовала своей целью отражение реальности, а была предметом определенной политики в данный момент и в данном месте. Тем не менее я не недооценивал бы рутинную процедуру статистической отчетности — последняя приобрела тотальный масштаб и представляла собой новую практику власти, вырабатывавшую единообразный язык объяснения экономических задач, достижений и ошибок.

Таблица 5

Колхозы «Буденный», «НКВД», «Социализм»,
«22-я годовщина» в 1939 и 1950 годах

	1939 год				1950 год			
	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина
<i>Площади и структура посевов, га</i>								
Общая площадь посевов	194,1	187,5	90	81	?	?	?	?
Озимые зерновые	135	165	25	30	163/6,8 ¹	85,2/43 ¹	44/34 ¹	66,5/0 ¹
Яровые зерновые	15	22,5	10	27				
Технические	4	2	—	—	55,4	44,4	8,5	118
из них хлопок	4	2	—	—	35,4	35	—	—
<i>Поголовье скота</i>								
Крупный рогатый скот	56	13	10	19	199	128	48	81
Овцы	50	25	1	37	690	140	15	124
Козы	—	207	1	490	4852	3891	1338	1826
Верблюды	105	62	—	—	—	—	—	—

СКАЧОК В СОЦИАЛИЗМ

Источники: Годовой отчет колхоза «Буденный» за 1939 год // ФГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 17. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «Буденный» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 45. Л. 2 об., 6 об.; Годовой отчет колхоза «НКВД» за 1939 год // ФГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 17. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «НКВД» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 29. Л. 2 об., 6 об.; Годовой отчет колхоза «Социализм» за 1939 год // ФГАСО РТ, ф. 51, оп. 129, д. 15. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «Социализм» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 32. Л. 2 об., 6 об.; Годовой отчет колхоза «22-я годовщина» за 1939 год // ФГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 15. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «22-я годовщина» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 67. Л. 2 об., 6 об.

¹ Зерновые-бобовые (поливная/богарная).

Таблица 6

Данные о земельных угодьях в колхозах «Буденный», «НКВД», «Социализм», «22-я годовщина» в 1949 году, га

	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина
Все земли с оросительной сетью	176,75	156,63	85,70	239,13
Пашня	121,73	114,5	79,02	151,12
Зерновые	48,72	67,9	47,07	18,02
Технические (хлопок)	53,01 (40)	39 (35)	21,55 (15)	122 (110)
Картофель	4	0,6	1,4	?
Овощи-бахча	1,6	3,5	1,58	5,10
Кормовые	14,5	3,5	7,5	6
Сады и прочее	19,43	13,38	?	10,05
Естественные сенокосы	8	?	?	7
Приусадебные участки	25,84	28,75	6,68	10,96
Приусадебные участки рабочих и служащих	1,65	?	?	?
Заселение и заболачивание	?	?	?	60

Источник: ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 1, д. 17. Л. 34—37.

Рассматривая колхозные отчеты (табл. 5 и 6), можно сделать несколько наблюдений в отношении экономики ошобинского общества

в 1930—1940-е годы (не забывая, конечно, что статистика отражала далеко не все виды хозяйственной деятельности)³⁵.

Во-первых, официально учитываемые площади посевов вокруг самой Ошобы примерно соответствовали данным 1899 года, правда, колеблясь из года в год — очевидно, по причине изменения природных условий, от которых горное земледелие сильно зависело. Обращает на себя внимание заметное увеличение усадебной площади, что было связано с ростом населения кишлака. Как видно из отчетов, колхозы засевали около 200 га богарной земли, хотя урожаи с нее были нерегулярными и небольшими. Что же касается земель около источников и искусственных колодцев, расположенных в более труднодоступных районах, то, возможно, какая-то их часть по-прежнему не указывалась в отчетах и продолжала обрабатываться силами отдельных семей, а какая-то вовсе забрасывалась из-за необходимости работы на колхозных полях или же из-за опасения конфискаций со стороны государства. Такими заброшенными оказались, например, земли вокруг родника Тахтапез, которые фигурировали в отчетах имперского времени.

К сказанному добавлю, что общее количество земли у Ошобы тем не менее выросло — благодаря проведению в 1939—1940 годах Северного Ферганского канала и передаче на баланс одного из ошобинских колхозов, «22-я годовщина», около 200 га в бывшей степной части Аштского района.

Во-вторых, на протяжении 1930—1940-х годов основными посевами культурами оставались пшеница, ячмень и просо. К 1950 году значительно выросла доля хлопка — до 200 га, из которых больше половины приходилось на колхоз «22-я годовщина».

В-третьих, из колхозных отчетов мы видим, что по сравнению с 1929 годом животноводство как отрасль местной экономики оставалось длительное время за рамками колхозного контроля. Лишь к самому концу 1940-х годов произошел рост в разы численности крупного рогатого скота, овец, коз и лошадей (только верблюдоводство, наоборот, исчезло), причем самым впечатляющим выглядит рост поголовья коз — примерно с 500 до 10—11 тыс. голов. По-видимому, на самом деле имело

³⁵ См. также: *Trevisani T.* Land and Power in Khorezm. P. 58—62.

место не увеличение поголовья, а легализация уже существующего, в чем сыграл свою роль конфликт 1947 года³⁶.

В-четвертых, интересны данные об урожае, поставках и бюджете колхозов за 1939 год (правда, не могу сказать точно, был ли этот год типичным). Судя по ним, основное распределение урожая зерновых было следующим: около 30—40% оставляли на семена и фураж, примерно 25—30% сдавали государству, 10—20% распределяли на трудодни. Около 40% урожая технических культур продавали на колхозном рынке (видимо, масличные культуры лен и сафлор), чуть меньше 30% сдавали государству, в том числе по госзаготовкам (видимо, хлопок), остальное оставляли на семена. Колхозы также продавали на колхозном рынке картофель и овощи. Наибольший же доход (более 50%), согласно смете, приносили колхозам садовые культуры.

Если суммировать сказанное, то выходит, что первоначально основной задачей колхозов было установление государственного контроля над производством и поставками зерна. Именно этот вопрос находился на первом месте в отчетах, и именно с ним были связаны все основные переговоры колхозного руководства с вышестоящими инстанциями — о посевной площади, о планах заготовок, о видах культур, о цене и так далее. Государственный контроль принимал здесь форму политического, пропагандистского, а порой и насильственного давления. Другие отрасли местной экономики — животноводство, садоводство и овощеводство, домашние промыслы — представляли меньший интерес, поэтому контролировались слабее либо даже вовсе не контролировались, что позволяло жителям Ошобы переключить на них свои экономические стратегии.

Однако эта ситуация не оставалась неизменной. Государство с целью изъятия дополнительных ресурсов стремилось к более жесткому учету всего, что производится в колхозной экономике и в личном хозяйстве. Одна из докладных записок — 1944 года — перечисляет те сферы, где власть видела возможность для колхозников спрятать часть прибыли: отпуск продукции и скота различным организациям и частным лицам по заниженным ценам, сдача общественного скота и подсобных пред-

³⁶ См. Очерк 4.

приятий в аренду колхозникам и частным лицам, посев тех или иных культур на колхозных землях различными организациями и частными лицами, превышение норм приусадебных наделов, практика перемещения колхозников на другие работы, неудовлетворительная постановка учета³⁷. Этот набор претензий говорит о том, что вышестоящие власти были обеспокоены не хищениями колхозного начальства, не присвоением им каких-то ресурсов в свою пользу, а передачей колхозной земли, продукции и скота в пользование «организаций», «частных лиц» и колхозников, то есть, по сути, сохранением прежних отношений под вывеской колхоза.

Еще более важным изменением на протяжении 1930—1940-х годов было желание государства переориентировать местное зерновое производство на хлопковое. И хотя у Ошобы не было земель с достаточным количеством воды и климатическим режимом, пригодным для хлопководства, эти попытки продолжались, и местные колхозы вынуждены были искать какие-то варианты, позволявшие в крайне неблагоприятных условиях осваивать и поддерживать хлопковую отрасль.

Экономика колхозников

Колхоз (вместе с сельским советом) служил инструментом контроля не только материальных ресурсов, но и людских. Членство в нем налагало на жителей кишлака целый набор обязательств и ограничений: они должны были отрабатывать на колхозных полях какую-то часть времени и выплачивать государству денежные и натуральные налоги со своего приусадебного участка — само владение участком теперь увязывалось с обязанностью выполнять колхозные работы, колхозники не могли уехать из селения без разрешения местной власти, они получали своеобразную прописку в кишлаке, благодаря которой имели доступ к разного рода институтам (школа, медицинский пункт и так далее).

В 1930—1940-е годы продолжался рост населения Ошобы, который был прерван войной 1941—1945 годов, когда численность ошобинцев

³⁷ Докладная о фактах нарушения устава с/х артели. Январь 1944 года // ГАСО РТ, ф. 51, оп. 7, д. 54. [Б.л.].

за счет погибших на фронте, смертности и миграции сократилась на 20—25% (табл. 7). Это привело к уменьшению числа трудоспособных работников. Тем не менее колхозные отчеты говорят о почти двойном увеличении количества начисляемых трудодней с 1939 по 1950 год (табл. 8).

Посмотрим теперь на то, что представляли собой эти трудодни³⁸. О многом говорят трудовые книжки, где указано, сколько каждый член колхоза получил трудодней и за какую работу, а также лицевые счета, в которых говорится о том, какая в итоге оплата была получена колхозником за свои трудодни.

Взять, к примеру, данные за 1945 год по колхозу «Буденный»³⁹. Начнем с председателя колхоза Бободжана Юлдашева. Согласно трудовой книжке № 1, он получал 1,75 трудодня в день независимо от сезона, в ноябре ему дополнительно записано 0,1, в декабре — 0,2 трудодня, всего вышло 639,05 трудодня. Однако согласно лицевому счету № 1, Юлдашев получил 621,5 трудодня, в материальном выражении оплата, выданная по итогам года в сентябре и ноябре, включала 442,5 кг пшеницы (*бугдой*), 647 кг кукурузы (*макка*), 185 кг сухофруктов (*мева*) и 227 кг джугары (*жѷхори*). Заместитель председателя Тоштемир Нурматов получил в день 1,5 трудодня, плюс в сентябре ему было начислено 12 трудодней «от Курбанбая», всего, таким образом, получилось 549,5 трудодня. Согласно же лицевому счету (№ 2), Нурматову было начислено 559 трудодней — 389 кг пшеницы, 567 кг кукурузы, 159 кг сухофруктов, 203 кг джугары и еще 230 кг овощей («огород»)⁴⁰. Ежедневная оплата за весь год начислялась также заведующему фермой и бухгалтеру — по 1 трудодню в день, старшему табельщику — по 0,75—1 трудодню, уличному

³⁸ О трудоднях см.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. С. 165—169.

³⁹ Книга учета трудодней колхозников за 1945 год (колхоз «Буденный») // ААР РТ, ф. 15, оп. 1, д. 2. [Б.л.]; Книга расчетов с членами колхоза «Буденный» за 1945 год // ААР РТ, ф. 15, оп. 1, д. 5. [Б.л.].

⁴⁰ В записях говорится, что с Юлдашева сняли 6 трудодней, с Нурматова — 4, со всех прочих колхозников — 3 в счет *йулга*, то есть «на дорогу», кроме того, с каждого колхозника, включая председателя, сняли 10% от общего количества трудодней «на почту». Однако в лицевых счетах эти списания трудодней не учтены.

Таблица 7

**Численность населения сельсовета Ошоба
в 1939, 1941, 1949 и 1950 годах**

	1939 год	1941 год	1949 год	1950 год
Хозяйства	?	660	693	679
Хозяйства колхозников	?	651	672 ¹	649
Хозяйства рабочих и служащих	?	8	21 ¹	30
Население (муж./жен.)	4740 ² (2480/2260)	4830 (2931/1899)	3782	3645
Колхозники	?	4811	3709	3515
Рабочие и служащие	?	19	73	130
Отсутствующие менее 6 месяцев	?	3	?	124
Отсутствующие более 6 месяцев	?	5	?	?

Источники: ГАСО РТ, ф. 377, оп. 5, д. 3. Л. 53; ГАСО РТ, ф. 377, оп. 5, д. 7. Л. 97 об.; ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 26. [Б.л.].

¹ По другим данным — 671 двор колхозников (11 отсутствуют) и 23 двора рабочих и служащих (ФГАСО РТ, ф. 9, оп. 1, д. 25. [Б.л.]).

² По другим данным — 4719 (ГАСО РТ, ф. 377, оп. 5, д. 2. Л. 3).

Таблица 8

**Колхозы «Буденный», «НКВД», «Социализм»,
«22-я годовщина» в 1939 и 1950 годах**

	1939 год				1950 год			
	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина
<i>Трудовые ресурсы</i>								
Дворы	277	207	67 ¹	60 ²	320	183	44	79
Население	1608	1363	415	425	?	?	344	449

Продолжение табл. 8

	1939 год				1950 год			
	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина
Трудоспособные (муж./жен.)	464	362	203	193	290/234	218/178	85/50	70/88
Подростки 12—16 лет	108	45	6	7	29	47	27	30
Нетрудоспособные	?	?	?	?	35	72	21	29
Отсутствующие	15	9	1	2	54	50	—	—
<i>Трудодни</i>								
Выдано трудодней	27882	23200	10590	13484	57838	45469	14165	41641
из них:								
в растениеводстве			7978		30057	23891	7898	28686
в полеводстве	18420	14100	5501	8908	?	?	?	?
в хлопководстве	—	741	—	—	11863	—	—	21201
в животноводстве	3331	1282	921	1340	12482	11192	2615	5685
ирригация-мелиорация	?	?	?	?	2487	1638	800	—
шелководство	?	?	?	?	5600	1689	—	1077
административная работа	?	1700	800	1182	2833	2910	1350	3160
<i>Выдано по месяцам трудодней³</i>								
Январь					861	534	395	1311
Февраль					714	855	605	2581
Март					6837	4828	1200	3768
Апрель					7239	4117	1305	3900
Май					5973	4545	1509	3250
Июнь					7052	5330	1753	3500
Июль					7180	6137	1712	3800
Август					8415	3574	1603	4450
Сентябрь					6566	5361	1229	4900
Октябрь					4718	4221	1105	4631
Ноябрь					1812	2523	1005	3150
Декабрь					636	3018	751	2300
<i>Количество человек, получивших трудодни³</i>								
До 50	210	151	147	101	68	63	43	6
50—100	145	135	33	31	83	58	32	10

	1939 год				1950 год			
	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина	Буденный	НКВД	Социализм	22-я годовщина
100—200	99	37	23	50	122	109	39	70
200—300	17	16	4	4	63	37	7	52
300—400	10	3	2	1	15	21	3	12
Более 400	4	2	—	2	13	12	1	8
Другие трудоспособные	?	?	?	?	16	10	—	37
Нетрудоспособные	?	?	?	?	31	12	10	24
Подростки	?	?	?	?	29	7	7	27
Не работали	?	?	?	4	62	63	—	—

Источники: Годовой отчет колхоза «Буденный» за 1939 год // ГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 17. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «Буденный» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 45. Л. 1—2; Годовой отчет колхоза «НКВД» за 1939 год // ГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 17. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «НКВД» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 29. Л. 1—2; Годовой отчет колхоза «Социализм» за 1939 год // ГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 15. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «Социализм» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 129. Л. 1—2; Годовой отчет колхоза «22-я годовщина» за 1939 год // ГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 15. [Б.л.]; Годовой отчет колхоза «22-я годовщина» за 1950 год // ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 67. Л. 1—2.

¹ В документе далее говорится, что в 1939 году в колхоз вступило еще 4 двора, но не уточняется, включены они в статистику или нет. Также сказано, что 26 дворов подлежат сселению (или сселены) в поселок.

² В 1939 году вступило еще 2 двора.

³ Данных за 1939 год нет.

⁴ В столбце за 1939 год по колхозу «НКВД» указаны данные за 1940 год, когда в нем было 277 дворов, 1638 человек, 480 трудоспособных (Годовой отчет колхоза «Буденный» за 1940 год // ГАСО РТ, ф. 51, оп. 2, д. 35. [Б.л.]).

охраннику, амбарщику — по 0,75 трудодня, простой охранник и почтальон получали по 0,5 трудодня в день.

Бригадир самой большой бригады Джурабай Султанов получал от 0,75 до 1 трудодня в день, что за год составило в материальном выра-

жении 247 кг пшеницы, 358 кг кукурузы, 247 кг сухофруктов, 126 кг джугары и 147 кг овощей, то есть примерно половину того, что заработал Нурматов. Бригадир и табельщики других бригад получали по 0,75 трудодня, некоторые табельщики — по 0,5 (исключением была табельщица первой бригады Баргинисо Умурзакова, сестра Нурматовых, которая получала за каждый рабочий день по 1 трудодню).

Сравним теперь эти данные с данными рядовых колхозников. Среди передовиков был Пирназар Рахимов, который за год наработал в колхозе 276 календарных дней. Впрочем, эта цифра — 276 — отчетная, так как записи велись декадами, то есть реальных рабочих дней было меньше. За труд в поле, на огороде и на «разных работах» он заработал 163,5 трудодня плюс получил по итогам года надбавку в размере 35,35 трудодня — всего 198,85 трудодня. Согласно лицевому счету, ему начислили 199 трудодней, что составило 172,5 кг пшеницы, 88 кг джугары, 252 кг кукурузы, 95 кг овощей и 172,5 кг сухофруктов. Колхозница Туйгул Бойбобоева трудилась в основном на поле, где сажают пшеницу и ячмень, немного — на поле бобовых, а также выполняла какие-то работы под рубрикой «разные», всего она была на трудовой вахте 193 календарных дня и заработала 61 трудодень. Согласно лицевому счету, Бойбобоева получила 63,25 трудодня, в материальном выражении это означало 42 кг пшеницы, 22 кг джугары, 57 кг кукурузы, 42 кг сухофруктов, 26 кг овощей. Наконец, один из отстающих колхозников, Маматкул Рузикулов, числился на работе 40 календарных дней и получил 8,5 трудодня и 17,25 трудодня надбавки — всего 26,75 трудодня (в лицевом счете — 25,75), или 9 кг пшеницы, 27 кг кукурузы, 9 кг сухофруктов.

Все эти цифры говорят о следующем. Рядовые колхозники работали в колхозе лишь эпизодически: некоторые из них, по сути, только формально числились в нем и, видимо, большую часть времени проводили у себя на участке, в горах со скотом или занимаясь какими-то частными ремеслами, даже передовые колхозники трудились в общественном производстве, как правило, не более полугода — в основном в пики сельскохозяйственных работ. Отдавать все свое время и все силы колхозу было крайне невыгодно — слишком низкий доход приносила эта работа простому члену колхоза. Руководители же, напротив, были привязаны к повседневным нуждам колхоза, хотя оплата их труда была

фиксированной и не могла сильно меняться в ту или другую сторону. Существовала, однако, выраженная разница в заработках между колхозной элитой и рядовыми колхозниками. Передовой колхозник, который трудился в поле значительную часть года, все равно получал вдвое меньше бригадира, бригадир же, в свою очередь, получал почти вдвое меньше председателя. Тем не менее, хотя колхозное начальство находилось в лучшем положении, его официальные заработки нельзя было назвать сверхвысокими — по-видимому, оно пользовалось какими-то другими источниками для получения личных доходов. Колхозные же доходы большинства рядовых колхозников не могли покрыть их повседневных потребностей — даже передовик обеспечивал себе и своей семье муки не более чем на полгода скромного пропитания.

Туйгул Бойбобоева, с которой я имел возможность поговорить лично, вспоминала, что в колхозе платили мало и она старалась под любым предлогом и используя все свои связи увильнуть от работы. Ее доходы складывались в большей мере из других источников: выращивание тутовника и изготовление из его плодов блюда *толқон*, разведение коз, а также изготовление ковров и паласов (*шолча-гилам*) — все это пользовалось спросом на ферганских базарах. В 1930—1940-е годы кто-нибудь из семьи числился в колхозе (домашнее хозяйство считалось в этом случае колхозным), а остальные зарабатывали другими способами⁴¹.

Индивидуальные и семейные экономические стратегии в этот период не слишком отличались от тех, что были десятилетием раньше. Работая рядом с кишлаком на знакомых им землях, крестьяне могли даже не вполне ощущать произошедшие после коллективизации перемены — их повседневный и посезонный график труда не изменился, они продолжали обрабатывать те же участки, которыми прежде владели или на которых трудились в качестве арендаторов-издольщиков. Между председателем сельского совета, председателем колхоза, бригадирами, с одной стороны, и прежними сельским старостой, пятидесятниками, с другой, была не очень существенная разница, хотя, конечно, функции и полномочия первых оказались шире. В любом случае многие вопросы решались неформально, местная власть использовала прежние символы

⁴¹ *Obr N.* Collective Farms and Russian Peasant Society, 1933—1937: The Stabilization of the Kolkhoz Order. PhD dissertation. Stanford University, 1990. P. 401, 402.

и риторику, внутренняя жизнь определялась во многом сетями родственных, соседских, дружеских связей, а на бумаге результаты представлялись такими, каких требовало от колхоза государство.

В отчетах 1950 года мы видим, что колхозники стали больше трудиться в поле и зарабатывать больше трудодней, хотя колхоз по-прежнему был не в состоянии обеспечить их постоянной работой и приличным заработком. Персональные дела фиксируют сложную систему расчетов, которые показывают принудительный характер этого труда⁴².

Согласно учету трудодней в колхозе «Буденный», бригадир Джурабай Султанов получал трудодни как за должность (причем каждый месяц ставка менялась), так и за те или иные виды работ — в поле и «прочие» (куда входили работы по строительству каналов, освоению новых земель, а также работы в саду). Всего, согласно теперь уже расчетам зарплаты, Султанов получил 477 трудодней, с него сняли 125 трудодней за «плохую» работу, и у него осталось 352 трудодня. Бригадир получил в 1950 году 313,8 кг зерна, 25,48 кг джугары, 11,32 кг сухофруктов, 50 кг чечевицы (*ясмиқ*) и 862,60 руб.⁴³, большую часть которых ему оплатили опять же маслом, сухофруктами, картошкой. Однако этот материальный доход не был простым наполнением упомянутых трудодней, а отражал сложный расчет прежних и будущих долгов: джугара, сухофрукты и около 20 кг зерна были получены в счет прошлого года, при этом колхоз остался должен Султанову почти 188 кг зерна и 1018 руб. в долг этого и прошлого года.

Звеньевой Ашурали Рузматов заработал 175 трудодней, 28 трудодней с него сняли за «плохую» работу и 5 трудодней добавили за «хорошую», всего получилось 152 трудодня. На руки Рузматов получил 158,1 кг зерна, из них около 40 кг — в счет прошлого года (колхоз остался должен ему еще 61,9 кг), 1,05 кг джугары, 13,34 кг сухофруктов, 40 кг чечевицы, 717,14 руб. натурой и деньгами (около 30 руб. добавили из долга прошлого года, и еще остался долг 329,16 руб.). Колхозница Дона Рузматова, по-видимому жена Ашурали, получила 150 трудодней (почти

⁴² Книга учета трудодней в колхозе «Буденный» за 1950 год // ААР РТ, ф. 15, оп. 1, л. 30. [Б.л.]; Книга расчетов колхоза «Буденный» за 1950 год // ААР РТ, ф. 15, оп. 1, л. 31. [Б.л.].

⁴³ В 1947 году была проведена денежная реформа и все денежные знаки были обмены в соотношении 10 к 1.

треть — на хлопке), из них вычли 8 и добавили 11 трудодней, зарплата состояла из 104,6 кг пшеницы (колхоз выплатил не всю долю и остался должен 22,6 кг) и 375,3 руб. — опять же колхоз задолжал еще 371,45 руб.

Из этих данных мы видим, что, несмотря на увеличение количества трудодней, заработной платы колхозников в материальном выражении сильно не изменились, при этом значительная часть работ производилась в долг, который перекладывался на следующие годы. Колхозники в счет своей будущей годовой зарплаты могли выписывать себе из колхозной кассы в течение всего года деньги или продукты со склада (в 1940-е годы деньги давали редко), а потом по итогам года подводился баланс — что должен колхоз колхознику и что должен колхозник колхозу (иногда образовывался долг в пользу той или иной стороны, который переносился на будущий год). Нередко колхозники возвращали долг из своих подручных средств, например войлочными коврами (*кигиз*) и другими вещами, которые колхоз, видимо, продавал на базаре или опять выдавал колхозникам в качестве оплаты по трудодням.

По-видимому, увеличение занятости в колхозном производстве было связано с освоением новых сельскохозяйственных площадей. В конце 1940-х годов колхозы «Буденный» и «НКВД» стали активно осваивать земли в степной местности Елугли — раньше там был колодец с водой и рос тростник (*түқай*), который можно было использовать как корм скоту, там же постоянно жили некоторые ошобинские семьи, а в 1930-е годы и во время войны — перекочевавшие из Казахстана со своим скотом казахи. Кроме того, в самом конце 1940-х годов «Буденный» и «НКВД» начали осваивать и земли в степной местности Нижний Оппон, где тоже когда-то находился колодец и куда теперь стала доходить вода из СФК. Сажали там в первую очередь хлопок — иногда, поскольку воды в колодцах и из канала было мало, прямо на богарных землях. Ошобинцам приходилось также ездить в колхоз «22-я годовщина» и помогать бывшим соседям убирать их хлопковые поля — такая помощь принимала форму хашара, то есть бесплатных работ.

Переход на хлопковое производство серьезно менял не только экономику, но и социальное устройство Ошобы. Хлопок, как пишет немецкий историк Йорг Баберовски об Азербайджане, «разрушал внутреннюю структуру и традиционные взаимоотношения в крестьянском обществе», «менял условия жизни и трудовой ритм», «подрывал тра-

диционные способы добывания средств к существованию»⁴⁴. Обработка земли и уход за хлопком требовали привлечения значительного числа рабочих рук и интенсивного труда в короткие промежутки времени. При этом весь хлопок сдавался государству, его нельзя было оставить на складе и раздавать в счет трудодней, как пшеницу, оплата труда на хлопке полностью зависела от расценок и механизмов денежного расчета, которые устанавливало на него государство. Колхозникам было невыгодно работать в колхозе на таких условиях, но хлопок был культурой, освоения которой требовало государство, поэтому трудовая мобилизация приобрела почти исключительно принудительный характер. Колхозное руководство использовало все возможные рычаги власти — насилие, пропаганду, стимулирование. Колхозников из Ошобы привозили на хлопковые поля в сорокаградусную жару, они работали и ночевали в поле безо всяких удобств — еды и воды было мало. Х.Х. вспоминал, что колхозники иногда добавляли в еду наркотик анашу, что позволяло взбодриться и даже петь песни во время работы. Тот же информатор рассказывал мне, как председатель колхоза вместе с заведующим участком в Оппоне ходили по домам и заставляли колхозников ехать на хлопок, требуя объяснительную в случае отказа и угрожая обвинить отлынивающих в выступлении против государственной политики. Как жаловался Х.Х., однажды раис даже порвал ему новые штаны, силой принуждая выйти в поле.

Идеальный колхоз

Колхоз задумывался не только как инструмент аккумуляции и перераспределения материальных и людских ресурсов. Это был еще и идеологический проект, механизм трансформации социальных отношений

⁴⁴ *Баберовски Й.* Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 660, 661. Правда, чуть выше он писал, что «...колхозы были завоеваны традиционным обществом, они были социалистическими только по форме, а по содержанию — традиционными» (Там же. С. 658). О том, как хлопковая экономика повлияла на повседневную жизнь в узбекском кишлаке, много пишет американский антрополог Расселл Занка: *Zanca R.* Life in a Muslim Uzbek Village: Cotton Farming after Communism. Wadsworth: Cengage Learning, 2011.

и личности. Колхоз виделся как новый тип сообщества, новый тип рационального (и научного) устройства, в котором социальная жизнь находится в полной гармонии с экономической. Это сообщество можно чинить и настраивать на выполнение нужных функций, его можно бесконечно совершенствовать и улучшать, результаты его деятельности можно предсказывать и планировать.

Такой «идеальный колхоз» мы находим в датированном 1940 годом проекте орошения Аштского района⁴⁵:

Орошение части Аштской степи, новая организация территории ее, освоение новых земель, переселенческие мероприятия, организация новых культурных хозяйств и колхозов, ведение севооборотов, улучшение агротехники, увеличение объема тракторных работ и организация МТС, улучшение организации труда и увеличение урожайности всех с/х культур <...> должны безусловно изменить облик осваиваемых земель и сделать жизнь колхозников культурной и зажиточной.

По изложенному проекту было предусмотрено создание девяти новых колхозов с предполагаемой площадью от 200 до 400 га. В основе проектирования земельной площади колхоза были: а) выделение прямоугольной компактной земельной площади в одном массиве, б) полная увязка границ с проектной оросительной и дренажной сетью, в) наличие у каждого колхоза своего самостоятельного водоотвода. Таким образом, каждый новый колхоз должен был представлять собой, по замыслу, единую экономическую территорию со своими границами и самодостаточной оросительной системой. Такими же самодостаточными должны были быть бригады:

Каждый бригадный участок располагается компактно в одном месте и представляет из себя единый земельный массив с самостоятельным

⁴⁵ НКЗ СССР — Главводстрой: Технический проект орошения Аштского района Таджикской ССР. 1940 год, Ташкент. Пояснительная записка проекта организации территории и ирригационной сети Аштского района (на площади 2700 га нетто самотечного орошения из СФК). Руководитель проекта Манохин, составители — агроном-экономист Бородай и инженер Гречушкин // ФГАСО РТ, ф. 16, оп. 1, д. 10. Л. 1—79. Далее я буду цитировать этот документ без ссылок на архив.

одним или двумя оросителями. Участки разных бригад <...> должны быть расположены примерно на одинаковом расстоянии от хозжилцентра колхоза.

В шести колхозах хозжилцентры (хозяйственно-жилые центры) строятся заново — в середине земельного массива, в трех колхозах — переустраиваются с использованием старых селений Джар-булак и Кырк-кудук. В проекте было точно запланировано, сколько в каждом колхозе будет дворов (от 57 до 109), человек (от 422 до 607), трудоспособных колхозников (от 109 до 380), предусматривалась земельная нагрузка на каждый колхозный двор (в среднем от 2 до 4 га) и на каждого трудоспособного (от 1 до 1,5 га земли, в том числе по хлопку — около 0,8—0,9 га). Было запланировано выделить землю — 0,15 га на приусадебный участок и 0,001 га под строение. Проектировщики рассчитали, что в июне—июле и сентябре—ноябре на хлопке нагрузка должна составлять 1,16 человека на 1 га (при обычно необходимых 0,73), были также высчитаны количество и виды скота в колхозном и личном секторе, нормы шелководства и прочие параметры.

По плану до 1944 года предполагалось переселить в новые колхозы из Ошобы 122 хозяйства: 27 — из «Буденного», 20 — из «НКВД», 18 — из «Социализма», 57 — из «22-й годовщины». Из членов колхозов «Буденный», «НКВД», «Социализм», а также колхоза «Кзыл-чорва» Кырк-кудукского сельсовета планировалось образовать колхоз № 6, из колхозников «22-й годовщины» — колхоз № 3. Предполагалось переселить в первую очередь те хозяйства, чьи земельные участки страдают от селей.

Вот как, в частности, описывали проектировщики колхоз № 3, который должен был целиком комплектоваться переселением на новые земли колхоза «22-я годовщина» (прежний «Литвинов») Ошобинского сельсовета. Новый колхоз должен был включать 209,32 га валовой площади, 46,29 га негодной земли, 57 хозяйств, 422 человека, 159 трудоспособных. Это должно было составить 3,15 га нагрузки на двор, 1,18 га на одного трудоспособного колхозника (в том числе 0,87 га — хлопок). 185,10 га поливной площади должны были распределиться между личными приусадебными участками, хозжилцентром, хлопковыми посевами

(141,88 га), посевами риса (22,82 га). В колхозе № 3 должно было быть три бригады (46, 47 и 48 га земли). Предполагался девятипольный хлопково-люцерновый севооборот, поэтому число бригад должно было быть кратно трем. Из-за большой засоленности земли предлагалась менее напряженная схема севооборота по хлопку (четыре поля хлопка — три поля люцерны — одно поле прочих культур: 50% — 37,5% — 12,5%). В каждой бригаде должно было быть три—шесть звеньев (тоже кратно трем) по 8—10 человек:

...во всех вновь организуемых колхозах с введением севооборота будут существовать постоянные полеводческие бригады с постоянным составом трудоспособных. Это несомненно укрепит трудовую дисциплину <...> создаст нормальную равномерную трудовую нагрузку, повысит ответственность <...> за выполнение норм выработки, а стало быть, создаст стимул к повышению урожайности <...> культур, увеличению доходности колхозов и улучшению жилищной и культурной жизни.

Рациональное (научное) устройство экономики, технические и агрономические улучшения, высокая производительность труда, выполнение планов, полная подконтрольность всех процессов — вот основные элементы проекта «идеального колхоза». Проектировщики, конечно, не забыли социальную и культурную сферы. В каждом хозжилцентре, по их замыслу, должны были быть ясли, детский сад, школа, клуб, парк, правление колхоза, чайхана, баня и сельсовет. Этот набор, полностью исключающий религиозные институты и заменяющий их светскими, современными (и я бы добавил, «европейскими») формами проведения досуга, отражал представления власти о том, как должна была выглядеть бытовая и повседневная жизнь местного населения. Тщательно разработанный и подготовленный к воплощению план создания новых колхозов вырабатывал новую перспективу взгляда не только на экономику, но и на общество, на людей, подразумевал изменение не только технологии производства, но и всех циклов и ритмов повседневной жизни, пространственного размещения и передвижения.

Однако в реальность эти планы воплотились только частично. Все ли девять колхозов удалось организовать, я точно не знаю. Переселить

ошобинцев в колхоз № 6, судя по всему, не удалось. Появился, как и планировалось, колхоз № 3, который получил название «22-я годовщина», уже упоминавшееся выше, туда первоначально переселились главным образом жители выселка Аксинджат. Однако у государства — к тому же в условиях Отечественной войны и послевоенного восстановления — не было достаточно ресурсов, чтобы воплотить все задуманные планы в действительность. В результате новое селение — Янги-кишлак (*янги-қишлоқ*, буквально «новое поселение») — строилось самими его жителями, нередко в нарушение линейных и симметричных форм, которые предполагались по проекту. Приусадебные участки распределялись в зависимости от множества личных, неформальных договоренностей. Клуб, парк и баня так и остались на бумаге. Севообороты строго не соблюдались, а хлопковая нагрузка на членов нового колхоза оказалась такой высокой, что власть вынуждена была летом и осенью отправлять им на помощь жителей других кишлаков, в том числе и Ошобы. Идеологический проект создания «идеального колхоза» так и остался незавершенным.

Колхоз эпохи развитого социализма

Укрупнение

В конце жизни Сталина и сразу после его смерти государство инициировало серьезную перестройку всей колхозной организации. С тотального контроля за произведенной продукцией и ее перераспределением государственный интерес стал все больше перемещаться в сторону расширения объемов производства наиболее важных с точки зрения Москвы сельскохозяйственных культур — прежде всего, конечно, хлопка, когда речь шла о Средней Азии. С 1950-х годов в регионе происходила, как и во многих странах незападного мира, «зеленая революция», то есть быстрая механизация аграрной сферы, улучшение агрономических технологий, внедрение новых сортов растений и пород животных, массовое использование удобрений и изменение кормовой базы и так далее. Такая политика требовала значительного увеличения государственных инвестиций в местную экономику и контроля за фи-

нансовыми ресурсами, вокруг чего теперь стали разворачиваться все отношения власти.

Одной из важных реформ было принятое наверху в 1950 году решение об укрупнении колхозов. 16 января 1951 года на общих собраниях колхозов «Буденный», «НКВД» и «Социализм» произошло их объединение в один колхоз им. Калинина (далее — «Калинин»), колхоз «22-я годовщина» в него не вошел. На территории нового колхоза оказались селение Ошоба и выселки Гарвон, Епугли, Оппон, Шевар, всего в нем было около пяти с половиной сотен дворов, более двух с половиной тысяч человек, а также примерно 550 га орошаемых площадей (табл. 9).

Становление нового колхоза сопровождалось неоднократной сменой его председателей. Первым райсом, как утверждали некоторые мои собеседники, был совсем недолгое время Мамаджан Маллаев, до этого работавший председателем колхоза «Социализм». Однако очень скоро его сменил житель Гудаса, один из немногих местных коммунистов, Ибрагим Аюбов — это назначение, возможно, было продиктовано желанием вышестоящей таджикской власти поставить в узбекском кишлаке таджикского чиновника. Но он продержался недолго: Аюбова сняли, по воспоминаниям, за то, что он однажды отправил людей на единственной в колхозе машине-полutorке на ремонт канала, а когда работа закончилась, то отвез на ошобинской машине обратно сначала гудасцев, а ошобинцев — во вторую очередь; тогда «старики» из Ошобы, как выразился мой рассказчик, якобы спросили: «Машина чья? Твоя или ошобинская?» — и настояли, чтобы Аюбова сняли. Впрочем, скорее всего, вышестоящие чиновники по-своему объясняли тогда смену райса.

После Аюбова стать председателем колхоза уговорили учителя Тоштемира Комилова, который имел опыт работы заведующим районно, директором школы и был, как и Аюбов, членом ВКП(б)/КПСС. Примерно в это же время в колхозе появилась другая важная должность — парторг (партийный организатор), который был первым заместителем райса, на нее был назначен другой учитель — Тусмат Рузматов. Но и в этот раз новые руководители быстро потеряли свои должности, не справившись с управлением большим хозяйством. Председателем колхоза стал Юсуп Юлдашев, бывший председатель

Колхоз «Калинин» в 1951 году

Хозяйства	548
Трудоспособные	1055
<i>Площади и структура посевов, га</i>	
Земли с оросительной сетью	546,73
из них:	
Пашня под урожай	422,85
Сады	39,81
Приусадебные участки колхозников	61,91
Приусадебные участки рабочих и служащих	2,2
Неиспользованные земли	19,96
Зерновые	262,25
Технические (в том числе хлопок)	109,8 (80)
Картофель	4
Овощи и бахча	4,1
Многолетние травы	42,7

Источник: ФГАСО РТ, ф. 16, оп. 1, д. 135. [Б.л.].

«22-й годовщины»⁴⁶, партгором — учитель Турдимат Тошматов. Однако недостатком Юлдашева в глазах вышестоящего начальства было отсутствие партийности и образования, что также не позволило ему задержаться на своей должности. Впрочем, местные жители объясняли отношение к нему по-другому — «никому взятку не давал и сам не брал, именно за это его и сняли».

В конце 1940-х — начале 1950-х годов поменялся не только масштаб деятельности колхозного руководства — изменились задачи колхоза, а значит, характер самой колхозной власти. В это время происходила окончательная переориентация зерновой экономики на почти

⁴⁶ Впрочем, в памяти людей эти смены и назначения перепутались — кто-то говорил мне, что Комилова назначили после Юлдашева. Но, во всяком случае, в официальном отчете за 1954 год в качестве председателя фигурировал именно Юлдашев (Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1954 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 49а. Л. 1—10).

монопольное производство хлопка, для чего интенсивно орошались новые земли в бывшей степной части присырдарьинской низменности (в Епугли и Оппоне). Вместе с освоением новых площадей и новой культуры в ошобинской экономике началось освоение и новых технических средств: в 1950 году в Ошобе впервые появилась своя (то есть принадлежавшая колхозу) машина-грузовик (полупортка), в 1955 году их было уже девять, в 1952 году в колхозе заработал первый трактор (присланный из МТС), в центре селения была построена дизельная электростанция. В этой новой экономике, с новой технологией и в новой экологической нише, все прежние социальные связи, накопленный опыт управления, привычный земледельческий опыт, прежние отношения с вышестоящими организациями оказались малопригодными и подверглись существенной перестройке. Хлопок требовал больше людей и трудозатрат, особенно в пиковые месяцы — летом и осенью, он требовал, соответственно, и большей мобилизации, стимулирования — как принудительного, так и материального. Хлопковая экономика приобретала все более денежный характер, так как вся — а не часть, как в случае с зерном, — произведенная продукция сдавалась государству, что ставило колхоз в большую зависимость от государственной политики ценообразования и благожелательности вышестоящего руководства, заинтересованного в развитии хлопководства. Все это, в свою очередь, требовало других управленческих стратегий.

Существенно трансформировалась и роль председателя колхоза — теперь он управлял огромным хозяйством и огромными средствами, то есть становился главной фигурой в Ошобе. Он должен был состоять в партии и иметь прямые контакты с районным и областным (и даже республиканским) начальством, ему необходимо было иметь достаточное образование, хорошие организаторские навыки и уметь работать не с сотней близких соседей и родственников, а с сотнями и даже тысячами людей, не проявляя к ним жалости⁴⁷. По-видимому, частая смена

⁴⁷ *Trevisani T.* Land and Power in Khorezm. P. 83—89; *Zanca R.* Life in a Muslim Uzbek Village. P. 148—150; *Hough J.* The Changing Nature of the Kolkhoz Chairman // *The Soviet Rural Community* / J. Millar (ed.). Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1971. P. 103—120. Как пишет Фицпатрик, новые председатели были больше похожи на российских помещиков XIX века (*Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 353).

председателей в «Калинине» объясняется как раз новыми правилами и практиками, которые стали возникать в новой экономике. Местные председатели из элиты 1930—1940-х годов не могли справиться с этими задачами и, видимо, не находили общего языка ни с колхозниками, ни с вышестоящими руководителями.

В 1955 году председателем колхоза «Калинин» стал Абдусами Маджидов. Сведений о нем у меня немного: вроде бы он был родом из Шайдана, но работал в Душанбе, где преподавал в Высшей партийной школе и откуда его направили в колхоз по призыву «тридцатитысячников»⁴⁸, в начале 1950-х годов ему было около 50 лет. У него были и другой кругозор, и другой опыт, и, что немаловажно, другой уровень поддержки в области и республике. Именно при Маджидове, хотя председателем он был всего примерно три года, новые тенденции в местной экономике стали доминирующими: хлопок превратился в главную продукцию колхоза, колхозники начали переходить на денежный расчет своего труда, ускорилось интенсивное строительство поселка в Оппоне, куда ошобинцы переселялись, чтобы работать исключительно на хлопке. В 1995 году вспоминали, что при нем крестьянам раздали коров, увеличили зарплаты, снизили налоги — на самом деле это было новой политикой советского государства, а не лично Маджидова. Интересная деталь: в воспоминаниях прозвучало, что раис «никого не бил, пытался уговорить словами идти на работу».

Вместе с новыми официальными экономическими отношениями возникли и новые неофициальные. Проверкой деятельности колхоза в 1957 году была выявлена «явно нездоровая практика реализации сухофруктов в городах Сибири»: годом ранее некто Хакимов и Камиллов (то ли колхозные экспедиторы, то ли работники районной заготовительной конторы) вывезли в Иркутск почти 50,2 тонны колхозного урюка и почти 5,6 тонны урюка колхозников, продав его, согласно официальной справке с рынка, по 14,43 руб. за килограмм (на общую сумму более 800 тыс. руб.⁴⁹). По заявлению проверявших, эта сделка вызывала сомнения, так как, учитывая издержки, колхозу было бы выгоднее про-

⁴⁸ *Hough J.* The Changing Nature of the Kolkhoz Chairman. P. 110, 111.

⁴⁹ По данным отчета 1955 года, все доходы колхоза от растениеводства составили около 948,2 тыс. руб., из них сдача хлопка государству принесла около 401,3 тыс. руб., продажа

дать всю партию свежих абрикосов местному консервному заводу⁵⁰. Как рассказал один мой собеседник, выяснилось, что реально сухофрукты были проданы по 27 руб., а вся сокрытая прибыль ушла участникам этой сделки, колхозному председателю, а также первому и второму секретарям райкома. Эта операция была раскрыта, и непосредственных исполнителей отдали под суд.

В принципе такая практика — продажа колхозной продукции на рынках и манипуляции с ценами — существовала и в 1930-е, и в 1940-е годы. Однако в данном конкретном примере обращают на себя внимание колоссальный объем продажи, техническая оснащенность и удаленность конечного пункта операции — чтобы осуществлять такие сделки, руководителям нужны были новые навыки общения, маневра, умение скрывать свое участие в подобных делах, а также неформальная поддержка самых разнообразных акторов и институтов власти, чем Маджидов, по-видимому, обладал. Таким образом, ясно, что вместе с созданием хлопковой монополии — совершенно нового уровня технологии и социальных взаимосвязей — возникает/укрепляется параллельная (теневая) экономика, которая получает то же технологическое и социальное оснащение.

В 1957 году была проведена ревизия финансовой работы колхоза при Маджидове, в результате чего последнего хотя и не осудили, но перевели на работу в другой колхоз. По рекомендации Маджидова новым председателем «Калинина» стал его парторг — Имамназар Ходжаназаров.

Раис

Кто-то из ошобинцев сказал мне: «Умурзаков был вторым после Рахманкула-курбаши настоящим лидером кишлака». На мой вопрос: «А кто третий?» — прозвучал ответ: «Ходжаназаров».

(на колхозном рынке) продукции садоводства и виноградарства — 450,8 тыс. руб. (Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1955 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 53а. Л. 10 об.).

⁵⁰ Материалы по учету председателей и бухгалтеров колхозов и первичные материалы по соблюдению устава сельскохозяйственной артели за 1957 год // ГАСО РТ, ф. 347, оп. 1, д. 164. Л. 138.

В 1995 году, когда я жил в кишлаке, Ходжаназаров по-прежнему — то есть уже почти сорок лет! — оставался действующим председателем колхоза «Калинин». Этот невысокий, пожилой, с суровым и непроницаемым выражением лица человек одевался в сталинский китель, подчеркивающий соответственно ту идентичность и те ассоциации, которые необходимы были ему в отношениях внутри колхоза (уезжая в Душанбе, он, надо полагать, надевал более светский костюм и галстук). Мне удалось поговорить с ним у него дома в Ошобе. Разговор оказался недолгим и скованным — прославленный раис, как все его почтительно называли, был молчалив и явно не знал, как вести себя с молодым аспирантом из Москвы.

Ходжаназаров коротко рассказал свою биографию. Он родился в 1924 году. В юности работал амбарщиком в «Социализме», потом продавцом в магазине в Гарвоне. Примерно три с половиной года служил в армии (кажется, в Астраханской области), дослужился до заместителя командира взвода, видимо, уже тогда неплохо освоил русский язык, получил командирские навыки и вступил в партию. Вернувшись в Ошобу, он сделал быструю карьеру — работал при Юлдашеве заведующим фермой мелкого рогатого скота, а при Маджидове был назначен парторгом и заместителем председателя колхоза. В 1958 году Ходжаназаров, которому было тогда 34 года, занял должность председателя колхоза.

Во время нашей беседы я спросил его: «Как вам удалось продержаться так долго?» Раис хитро улыбнулся: «Я и сам не знаю». Мне тогда в голову пришла аналогия с республиканским руководством: в 1960-е годы на посты первых секретарей в среднеазиатских республиках пришли новые люди — Шараф Рашидов в Узбекистане (с 1959 до 1983 года) и Джаббар Расулов в Таджикистане (с 1961 до 1982 года), которые оставались бессменными лидерами до конца своей жизни и превратились, по сути, в полноправных и достаточно автономных правителей. Речь не о каком-то случайном везении, а о новой системной политике Москвы, которая состояла отныне не в том, чтобы периодически ставить новых руководителей и затем с разными интервалами репрессировать их, как это было при Сталине, а в том, чтобы заключать негласные альянсы о выполнении некоторого набора взаимных обязательств и строго придерживаться их. Новая колхозная экономика, интегрированная в хлоп-

ковую монополию, была частью этих договоренностей, когда в обмен на государственные инвестиции и несменяемость руководители союзных республик обещали — вдобавок к личной и политической лояльности — наращивать производство хлопка.

Ходжаназаров оказался в этой новой структуре и благодаря своим личным качествам смог воспользоваться возможностями, которые она ему предоставила. Восстановить всю картину того, каким образом он вписался в новые правила, теперь сложно. Конечно, он перенял какие-то полезные связи и практики у Маджидова. Конечно, он опирался на поддержку тех ошибинцев, которые работали рядом с ним — а некоторые из них уже имели нужные контакты и были способны ввести нового председателя колхоза во властные сети, где тот мог получать советы, информацию и помощь.

Позднее у Ходжаназарова стали складываться тесные отношения с первым секретарем компартии Таджикистана Джаббаром Расуловым⁵¹ и председателем правительства Рахмоном Набиевым⁵² (Илл. 16). Он многократно избирался депутатом Верховного Совета Таджикской ССР и к 1980 году имел собственную разветвленную сеть деловых и личных отношений не только с районными и областными руководителями, но и с республиканскими и даже союзными, с которыми он общался, минуя районных и областных начальников. Кроме вертикальных связей Ходжаназарову нужны были также связи горизонтальные — с другими колхозами и предприятиями — для обмена ресурсами и опытом. В частности, среди его знакомых был Ахмаджан Адылов, председатель колхоза, а затем агропромышленного комплекса в узбекской части Ферганской долины⁵³, который имел, в свою очередь, прямые контакты с руководством

⁵¹ Расулов с 1941 по 1947 год отвечал за сельское хозяйство в Таджикской ССР, потом, до 1955 года, был председателем республиканского Совета министров, а с 1961 года и до своей смерти — первым секретарем ЦК КП Таджикистана.

⁵² Почти ровесник Ходжаназарова, Набиев был с 1971 года таджикистанским министром сельского хозяйства, с 1973 по 1982 год — председателем правительства, а после смерти Расулова и до 1986 года — первым секретарем в республике.

⁵³ Его центр находился в селении Пап, которое расположено не более чем в часе езды от Ошобы. Имя Адылова (Одилова) прогремело в 1988 году как пример «средневековья» и возвращения «из социализма аж в феодализм» (*Соколов В.* Зона молчания // Литературная газета. 1988. 20 января; *Он же.* Молчать не будем! Почта статьи «Зона молчания» //

Илл. 16. Имамназар Ходжаназаров и Джаббар Расулов

Узбекистана. Ташкентские и душанбинские связи не противоречили друг другу, а, наоборот, взаимодополнялись и предоставляли гораздо больше возможностей для маневра. 22 июля 1991 года, почти накануне распада СССР, Ходжаназаров «успел», как выразился один мой собеседник, получить звание Героя Социалистического Труда — высшую советскую награду для представителей его рода деятельности (Илл. 17).

Большой Ашт

Успешная карьера и влиятельные связи Ходжаназарова имели своим источником хлопок. Как он сам рассказывал, настоящее освоение района началось в 1968 году, когда ему пришлось в голову сделать первые

Литературная газета. 1988. 3 августа; см. также: *Белых В., Мостовицков С.* История Ахмаджона Аддылова, рассказанная им самим // *Известия.* 1992. 20 апреля).

Илл. 17. Три ошобинских героя: Ходжаназаров, Холдоров, Ходжамбердыев

скважины выше СФК и с их помощью поднять на поверхность воду для орошения степной территории (табл. 10). За свою инициативу Ходжа-назаров получил партийный выговор, так как никто не верил в успех такой траты денег. Однако председатель колхоза бросил на освоенный участок все силы и сумел получить там хороший урожай хлопка. На этот успех обратила внимание комиссия из Москвы, которая приехала в Аштский район для реанимации старого, рассматривавшегося еще с 1930-х годов проекта орошения аштских степей и превращения их в огромную хлопковую плантацию. Сыграл ли пример «Калинина» решающую роль, как думают многие ошобинцы, или был всего лишь одним из аргументов для специалистов из союзных ведомств, сказать сложно, но где-то в начале 1970-х годов московским руководством был принят проект освоения Большого Аштского массива.

Таблица 10

**Паспорт оросительных систем колхоза «Калинин»
в 1967—1970 годах, га**

	1967 год	1968 год	1969 год	1970 год
Северный Ферганский канал	709	709	733	783
Ошоба-сай	462	462	462	354
Гудас-сай	177,6	177,6	177,6	120
Скважина № 16	—	35	35	50
Скважина № 17	—	35	35	50
Скважина № 27	—	30	30	50
Скважина № 40	—	—	30	60
Скважина № 41	—	—	—	22
Скважина № 44	—	—	—	40

Источник: ФГАСО РТ, ф. 16, оп. 1, д. 213. [Б.л.].

Проект Большого Ашта предполагал создание сложной ирригационной системы, которая включала в себя помимо вертикального (скважины) горизонтальное орошение — с помощью мощных насосов воду забирали из Сырдарьи и гнали по магистральному каналу вверх, откуда она затем самотеком, по наклонной, распределялась по аштской степи. В эту систему входили также электрические подстанции, дренажные

сооружения, дороги и так далее. Все это требовало детальной предварительной разработки в специализированных институтах и больших капиталовложений, в том числе создания строительных подрядных организаций⁵⁴.

Проект имел общесоюзный характер, поэтому его финансирование шло напрямую из центрального бюджета, а не из бюджета Таджикской ССР. Организацией, которая отвечала за него, было Главное среднеазиатское управление по ирригации и строительству совхозов (с непроизносимой аббревиатурой «Главсредазирсовхозстрой») при Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР. Интересен тот факт, что это управление, имея общесоюзные статус и финансирование, было расположено в Ташкенте — столице соседней Узбекской ССР, и соответственно, штат его специалистов состоял из ташкентских жителей и возглавлялся представителями узбекской элиты⁵⁵.

Управление по ирригации, как следует из его полного названия, финансировало только совхозы (советские хозяйства) — особую форму сельскохозяйственных предприятий, собственность и доходы которых считались государственными, а не «коллективными». Колхоз «Калинин» формально не относился к этой категории и, следовательно, не мог быть включен в программу освоения Большого Ашта. Однако зная государственные планы, то, какие территории собирались включить в проект, Ходжаназаров решил действовать на опережение и развернул собственное освоение части этих земель с помощью скважин. Главсредазирсовхозстрой уже не мог исключить эти территории из своего проекта и вынужден был компенсировать «Калинину» проделанные к тому времени работы. С учетом последнего колхоз получал прямые доходы, так как нормативные расценки, по которым выплачивалась компенсация, намного превосходили реальные затраты. В свою очередь, первоначальное вложение денег неизбежно влекло за собой

⁵⁴ В Аштском районе в начале 1990-х годов было четыре строительных фирмы: ПМК-6, -8, -9 и МПМК. Первые три относились к одному тресту (раньше он был союзного подчинения, после распада СССР стал областным), МПМК — к другому (областного подчинения). ПМК-8 строил ирригационную сеть, ПМК-6, -9 и МПМК — здания и т.п.

⁵⁵ Кстати, последним руководителем Главсредазирсовхозстроя был Исмаил Джурабеков, один из самых влиятельных людей в Узбекистане в 1990-е годы.

новые государственные вложения. Во-первых, после освоения земли председатель колхоза имел право с полным основанием требовать деньги на строительство дорог и социальную сферу. Во-вторых, ирригация в степной зоне приводила к быстрому засолению орошенных земель, а для того чтобы сохранить утвержденные планы производства (хлопка в первую очередь), надо было опять вкладывать деньги в дренажную систему и новое орошение. Вся логика государственных инвестиций была построена на воспроизводстве достигнутого уровня, и Ходжаназаров, наращивая и перевыполняя планы по хлопку (иногда на 155%), умело пользовался этим, чтобы добиваться все новых и новых государственных вложений в свое предприятие.

Пиковым периодом инвестиций стали 1978—1980 годы, когда ежегодный объем средств, предоставляемых колхозу, составлял 1—1,5 млн руб. — огромные по тем временам деньги⁵⁶. В 1980-е годы Ходжаназаров по своей инициативе начал освоение нового массива — Етти-тепа. Возможно, он имел информацию и надеялся, что сработает прежняя схема, когда освоенные земли будут включены в планы Главсредазирсовхозстроя. Однако на этот раз союзные планы инвестиций в ирригацию были приостановлены, поэтому председатель «Калинина» вынужден был обратиться к руководству Таджикской ССР. Ходжаназаров отвез Расулова и Набиева — первого секретаря и предсовмина — в Етти-тепа и показал им уже начатые работы, после чего было принято решение о выделении средств из республиканского бюджета на поддержку начинания. По новому проекту вода из Сырдарьи, как и в случае Большого Ашта, должна была с помощью насоса подниматься наверх и орошать прежде степную территорию, но только на этот раз насос принадлежал колхозу.

Насколько такие схемы были действительно законны и какого рода личные договоренности и лоббистские усилия стояли за ними, теперь судить трудно. Вполне возможно, что при желании — как это было в Узбекской ССР в 1980-е годы, во время так называемого хлопкового дела⁵⁷, — власть могла квалифицировать их как растрату и даже об-

⁵⁶ ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 3, д. 55. Основные экономические показатели колхоза за 1976—1985 годы и сравнительный анализ X и XI пятилеток. Л. 2.

⁵⁷ *Trevisani T.* Land and Power in Khorezm. P. 89—93. См. также: *Critchlow J.* Prelude to «Independence»: How the Uzbek Party Apparatus Broke Moscow's Grip on Elite Recruit-

наружить факты коррупции и наживы. Однако очевидно, что такого рода инициативные действия местных руководителей на разных этапах находили поддержку у государства, поощрялись им или по крайней мере не сразу отвергались, что давало основание считать их вполне приемлемыми. Упомянутые и другие схемы перераспределения ресурсов были необходимыми механизмами работы советской экономики, что все вынуждены были признавать, пусть и неофициально. Бесспорным результатом этой работы в Ошобе стало стремительное и масштабное расширение колхозных посевных площадей, парка машин и другой техники, поголовья скота и так далее (табл. 11)⁵⁸. Колхозные земли, занятые хлопком, выросли с 1955 по 1985 год в одиннадцать раз — с 204,7 до 2334 га. Общий же размер орошаемых территорий при максимуме водных ресурсов достиг 7 тыс. га.

Новое пространство Ошобы

Орошение степей и развитие хлопководства радикальным образом изменили всю географию региона и создали новое пространство ошобинского сообщества.

Напомню, что еще в досоветское время ошобинцы жили не только в Ошобе. Недостаток земли заставлял их искать новые территории для проживания, жители кишлака мигрировали, кто-то возвращался, а кто-то оставался на новой родине. Ошобинцы осваивали новые земли около родников и колодцев в горах, предгорьях и в степной полосе. В одном из документов за 1939 год мы находим подробную роспись населения сельсовета Ошоба по таким горным участкам. Согласно этому источнику, всего населения было 4740 человек, из них в отдельных селениях⁵⁹: Ошоба — 3409⁶⁰, Гарвон — 404, Епугли — 192, Аксинджат — 92, Аккудук — 30, Ак-булак — 64, Бозори-мерган — 33, Зогхона — 7, Курпой-

ment // *Soviet Central Asia: The Failed Transformation* / W. Fierman (ed.). Westview Press, 1991. P. 131—156.

⁵⁸ См. также: *Trevisani T.* Land and Power in Khorezm. P. 65, 80, 82.

⁵⁹ ГАСО РТ, ф. 377, оп. 5, д. 4. Л. 1.

⁶⁰ ГАСО РТ, ф. 377, оп. 5, д. 3. Л. 53.

Колхоз «Калинин» в 1955, 1965, 1975 и 1985 годах

	1955 год	1965 год	1975 год	1985 год
<i>Трудовые ресурсы</i>				
Дворы	610	946	1012	1506
Население	1631	?	5362	8179
Трудоспособные	1138	1102	1843	2773
<i>Площади и структура посевов, га</i>				
Зерновые и бобовые	250,51	241	241	315
Технические	204,7	555	1004	2334
в том числе хлопок	193,5	555	1004	2334
<i>Поголовье скота</i>				
Крупный рогатый скот	525	524	1119	1339
Свины	35	—	9991	—
Овцы и козы	8309	12089	14831	14504
<i>Техника</i>				
Гусеничные трактора	—	—	18	31
Колесные трактора	—	—	84	81
Трактора и машины	—	—	—	11

Источники: Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1955 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 53а. Л. 1—8; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1965 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 111. Л. 1—8; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1975 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 2, д. 21. Л. 1—34; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1985 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 2, д. 5. Л. 1—29.

булак — 22, Кызыл-кудук — 50, Кызыл-олма — 105, Кызыл-тепа — 132, Куктал — 24, Сай-булак — 10, Тикатош — 5, Тервон-курук — 8, Тутак — 9, Тош-булак — 50, Тахтапез — 13, Учхотун — 28, Урал-чарвак — 33, Ходжакеджи — 8, Ян-булак — 12. Если верить этим данным, каждый четвертый ошобинец значительную часть времени жил за пределами кишлака Ошоба, но в действительности число таких ошобинцев было

еще больше, так как многие жили и за пределами сельсовета — в Пангазе, Шайдане, Аште (самая верхняя часть последнего — Оби-Ашт — была заселена преимущественно выходцами из Ошобы).

В 1930—1950-е годы к такой хаотической миграции добавились организованные властью переселения. В 1935 году небольшая группа ошобинцев должна была переселиться в Вахшскую долину на юге Таджикской ССР⁶¹. После постройки СФК в 1939—1940 годах жители выселка Аксинджат и несколько семей из Ошобы были переселены в Янги-кишлак, который относился к колхозу «22-я годовщина». В 1953 году было принято решение о переселении 85 ошобинских хозяйств в район СФК, на место прежней небольшой стоянки, где не было постоянного населения и где стал строиться новый кишлак Оппон (Нижний Оппон) (Илл. 18).

Менялись и административные границы. До 1955 года Аксинджат и Янги-кишлак оставались в составе сельского совета Ошоба, а потом были переведены в подчинение сельсовета Советобада⁶². Одновременно была формально изменена подчиненность и массы мелких местечек в горах, которые до этого относились к Ошобе (Кызыл-кудук, Учхотун, Куктал, Ян-булак, Урал-чарвак, Ак-кудук, Курпой-булак)⁶³. В начале 1960-х годов в состав сельсовета Ошоба был включен кишлак Гудас, а его жители и территории — приписаны к колхозу «Калинин»⁶⁴.

⁶¹ В специальном постановлении Аштского РКП(б) Таджикистана говорилось: «Утвердить разверстку для переселения колхозников из следующих джамсоветов: 1. Шайдан — 10 хозяйств <...>, 4. Ашаба — 20 хозяйств <...>, 8. Гудас — 15 хозяйств. Итого 125 хозяйств <...> Определить ориентировочно срок сбора переселенцев в райцентр для отправки 23.09.35 <...> Предупредить всех уполномоченных РКП(б) и председателей джамсоветов, что подбор на переселение колхозников должен производиться за счет проверенной части [жителей], изъявивших добровольное согласие ехать на переселение в районы Вахшской долины со всем составом своей семьи, ни в коем случае не допускать в ряды переселенцев кулаков, подкулачников и других социально-опасных элементов» (ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 1, д. 5. Л. 367).

⁶² В современный сельсовет Кырк-кудук (бывший Советобада) входят кишлаки: Янги-кишлак (здесь живут в основном выходцы из Ошобы), Кырк-кудук (здесь живут в основном узбеки-элат), Аксинджат и Култал (выходцы из Ошобы), Джигда (и узбеки-элат, и выходцы из Ошобы).

⁶³ ФГАСО РТ, ф. 152, оп. 2, д. 616. Л. 24, 24 об. В 1978 году во всех этих местечках вместе взятых было всего не более 20 хозяйств (ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 2, д. 841. Л. 181—182).

⁶⁴ В 1940-е годы здесь находился колхоз «КИМ», который в 1953 году вошел в состав колхоза «Ленин», в начале 1957 года — в состав колхоза «Молотов» (переименован-

Илл. 18. Северо-Ферганский канал и поселок Оппон

Осуществление проекта Большого Ашта привело, как я говорил, к освоению новых территорий в степной части Аштского района, к строительству новых поселков и новым переселениям (табл. 12). В конце 1960-х годов на месте небольшого кишлака Беш-каппа возникло селение Верхний Оппон, куда стали переезжать выходцы из Ошобы и Гудаса, в середине 1980-х годов началось строительство нового поселка Мархамат. На земле, которая раньше была безжизненной, в конце 1980-х годов находилось около 800 хозяйств — более 4 тыс. жителей, в основном ошобинцев, что в общей сложности превышало численность населения самого кишлака Ошоба. Еще один поселок планировалось построить в районе Етти-тепа, ближе к Сырдарье, но из-за экономического кризиса этот проект был остановлен.

Все новое пространство связывалось транспортной сетью — внутриколхозными асфальтовыми дорогами, по которым курсировали колхозная техника, рейсовые автобусы и личные автомобили⁶⁵. Пред-

ного позже в «Правду»), а в конце 1957 года опять выделился как колхоз «Жданов» (с 1958 года — «Комсомол»).

⁶⁵ Первая такая машина — «Победа» — была у Миргулшамы Мирхолдорова: сын Мирхолдор-аксакала (см. Очерк 3) долго жил в Ташкенте, в середине 1950-х годов вернулся в Ошобу и стал экспедитором в колхозе, а потом заведующим магазином.

Таблица 12

**Население сельсовета Ошоба по отдельным поселкам
в 1957, 1967, 1977 и 1983 годах, хозяйств/человек**

	1957 год	1967 год	1977 год	1983 год
Ошоба	437/1845	509/2313	592/3133	666/3742
Олма	3/15	125/519	126/682	157/857
Терак	?	6/31	5/24	?
Шевар	71/290	57/276	46/226	61/296
Кызыл-олма	?	2/11	?	?
Гарвон	39/213	46/237	14/70	?
Епутли	11/61	14/76	17/90	12/73
Оппон	117/667	113/907	258/1499	332/1901
Гудас	?	153/681	141/750	178/936
Гудаси-боло	?	5/23	?	?
Канал	?	3/15	?	?
Гудас-Оппон	?	?	9/63	?

Источники: ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 1, д. 59. Л. 32—38; ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 17. Л. 11; ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 3, д. 74. Л. 3; ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 1, д. 695. Л. 4.

Таблица 12 (продолжение)

**Население сельсовета Ошоба по отдельным поселкам
в 1989, 1992, 1994 и 1995 годах, хозяйств/человек**

	1989 год	1992 год	1994 год	1995 год
Всего	2036/10797	?	2453/13658	2657/13980 ¹
Ошоба	701/4091	793/4150	796/4453	876/4422 ²
Олма	201/867	179/923	159/868	182/923
Шевар	83/442	100/527	142/605	119/631 ³
Гарвон	17/27	12/57	?	17/92
Мархамат	285/1298	417/2123	?	512/2710
Оппон	531/3029	600/3495	?	687/3865
Гудас	218/1043	?	211/1402	264/1337 ⁴

Источник: По данным сельского совета/джамоата Ошоба. См. также: Ашт маълумотнома аз таърихи таксимоти маъмурию ҳудудии ноҳия. Конибодом, 1993. С. 20 (на таджикском языке).

¹ По другим данным: 2729/14195.

² По другим данным: 876/4524.

³ По другим данным: 136/723.

⁴ По другим данным: 267/1337.

приимчивый Ходжаназаров добился, чтобы недалеко от Мархамата построили небольшой аэродром, откуда в 1980-е годы можно было улететь в Ленинабад и даже в Душанбе.

Вместе с расширением территории колхоза и сельсовета возникали новые местные центры и периферии. В Нижнем Оппоне были размещены все основные инфраструктурные объекты колхоза «Калинин» — склады, автопарки, а также фермы. Там же со временем расположилось правление колхоза — основное место сосредоточения власти (хотя правление сельского совета осталось в Ошобе) (Илл. XI). Еще более грандиозными были планы в отношении селения Мархамат (в буквальном переводе — «Добро пожаловать»), которое задумали превратить в новый центр сельсовета Ошоба. Здесь успели возвести новое здание колхозного правления, новые больницу, школу, ясли, огромный клуб (мне говорили, что такого клуба нет во всем Аштском районе, разве только в Шайдане), председатель колхоза и некоторые другие руководители взяли себе здесь личные участки и начали строительство новых домов. Чтобы обеспечить мархаматцев питьевой водой, из Ошобы был проложен трубопровод, который доставлял ее из Ошоба-сая. Мархамат замышался как «современный» поселок, с прямыми улицами и вытянутыми вдоль них типовыми, окнами к улице, домами — прямая противоположность «традиционной» Ошобе, где улочки застраивались беспорядочно (Илл. XII).

Прежняя практика фактически насильственного перемещения колхозников в новые поселки в 1980-е годы уже не действовала, поэтому Ходжаназаров выделял переселенцам большие — по 0,15—0,20 га — приусадебные участки, привлекая возможностью развивать личное хозяйство. Тогда же было принято решение выделять участки в Мархамате тем ошобинцам, которые когда-то уехали из кишлака в другие места и теперь хотели вернуться на малую родину.

«Калинин»

Хлопководство

Приехав в Ошобу в 1995 году, я застал местную колхозную экономику в момент ее кризиса. Государственные инвестиции, поставки новой техники и оборудования прекратились, закупочные цены на производимую колхозом продукцию, прежде всего на хлопок-сырец, упали, а на солярку, удобрения и другие ресурсы, без которых производство уже не могло существовать, — напротив, выросли. Этот момент начавшегося упадка колхозной экономики и разрушения всей сложившейся системы отношений между колхозом и государством, с одной стороны, и членами колхоза, с другой, важен, на мой взгляд, для понимания того, что же было создано на протяжении 1960—1980-х годов и каким образом эта производственная машина функционировала. Я буду говорить далее о том, что застал в середине 1990-х годов, и в то же время попытаюсь, с опорой на архивы и воспоминания, реконструировать предшествующий этап позднего социализма.

В 1995 году вся официальная экономика «Калинина» по-прежнему строилась вокруг хлопкового производства (Илл. XIII). У колхоза было около 7 тыс. га пашни, реально использовалось 6 тыс. га, из которых около 2,4 га были под хлопком (табл. 13)⁶⁶. Колхоз в начале 1990-х годов продолжал увеличивать хлопковые посевы. Но при этом план сдачи хлопка государству не увеличился, а, наоборот, уменьшился: раньше он составлял 6,7 тыс. тонн хлопка-сырца (и колхоз этот план выполнял), теперь — 6,4 тыс. тонн, при этом в 1995 году колхоз собрал всего лишь 3,9 тыс. тонн⁶⁷. Следовательно, увеличение посевов было необходимо для компенсации падения урожайности из-за проблем с водой: изнашивались насосы, новые купить было трудно, а старые часто останавливались и требовали починки, на бурение новых скважин тоже не было средств.

⁶⁶ Это составляет примерно 1/3 всех хлопковых площадей в Аштском районе (Региональный статистический сборник Республики Таджикистан за 1991—1995 годы. Душанбе, 1996. С. 6. См. также с. 74).

⁶⁷ Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1995 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 3, д. 165. Л. 8 об.

Колхоз «Калинин» в 1995 году

<i>Трудовые ресурсы</i>	
Среднесписочная численность работников	2696
Занятые в сельском хозяйстве	2671
из них:	
Колхозники	1902
Наемные и привлеченные работники	655
Служащие	114
<i>Площади и структура посевов, га</i>	
Всего земель	32690
Сельскохозяйственные земли	17186
Пашня	6329
Приусадебные участки	304
Зерновые и бобовые посевы	440
Кукуруза на зерно	30
Хлопчатник	2403
Овощи	60
Бахчевые	20
Сады	1119
<i>Поголовье скота</i>	
Крупный рогатый скот (в том числе коровы)	852 (253)
Овцы и козы	7233
Лошади	17
<i>Техника</i>	
Тракторы	195
Комбайны и другие сельхозмашины	536
Грузовые автомобили	1020

Источник: Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1995 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 3, д. 165. Л. 1—17.

Скважины и насосы принадлежали не колхозу, а государству, колхоз должен был платить за электричество, а так как цены на электричество росли, то это тоже создавало проблемы — в случае неуплаты насосы могли отключить. Появились трудности с техникой: если раньше на каждые 50 га земли приходился один трактор, то в начале 1990-х годов

из-за отсутствия солярки на один трактор приходилось 100—150 га. Колхоз не мог маневрировать и выделять на поддержку производства живые деньги, так как оплата хлопка совершалась только условными, записанными на специальном счете, деньгами, которыми можно было расплачиваться с другими государственными предприятиями, приобретая солярку и технику. Между тем в условиях экономического кризиса государственные предприятия были больше заинтересованы сбывать свою продукцию любыми — легальными или нелегальными — способами за реальные деньги или даже скорее по бартеру, что резко усилило дефицит необходимых для крупного производства ресурсов. Государство после распада СССР стало слабым, ничего не могло предложить колхозу взамен его хлопка и, соответственно, не могло контролировать ситуацию, перенаправляя и согласуя материальные и финансовые потоки.

Все это, впрочем, не означало, что хлопководство приносит убытки. Наоборот, по словам моих собеседников из числа руководства колхоза, хлопок при цене 11 таджикских рублей (примерно 0,20—0,25 доллара США) за килограмм сырца должен был приносить колхозу прибыль, даже если колхоз не выполнял план. Дело в том, что существовали нормы затрат на выращивание единицы хлопка, по которым рассчитывалась его оплата государством, и если колхоз экономил на расходах, то разница оставалась ему⁶⁸.

В 1991 году «Калинину» впервые разрешили оставить 30% хлопка себе — при условии, правда, что он выполнит план на 100%. В тот год колхоз собрал урожай на 115% от плана и ему досталось 45% всего хлопка, который он мог напрямую продавать покупателям по более высоким, чем у государства, расценкам или по выгодному бартеру. В 1992—1994 годах, уже в независимом Таджикистане, «Калинин» сдавал государству все 100% плана, но в 1995 году было опять решено оставлять в распоряжении колхоза 30% валового сбора хлопка (даже при невыполнении плана). В 1995 году, согласно отчету, валовая себестоимость хлопка составила 72,2 тыс. руб., выручка колхоза от его продажи —

⁶⁸ Раньше колхоз заставляли выполнять план, даже если расходы превышали доходы: например, приходилось собирать четвертый, худший сорт хлопка, за который государство очень мало платило и который при этом требовал очень больших трудовых затрат.

120,7 тыс. руб., прибыль — 48,5 тыс. руб. (в том числе 39,1 тыс. руб. от хлопка, сданного государству по плану), что составляло примерно 90% всей полученной годовой прибыли колхоза⁶⁹.

Садоводство

Расширение хлопковых площадей и превращение колхоза «Калинин» в производителя хлопка превратило все остальные отрасли хозяйства в подсобные. Это затронуло в том числе колхозные садовые площади. Государство мало занималось регулированием этой отрасли местного производства.

В 1995 году на балансе «Калинина» числилось 1119 га садов, из них: 45 — семечковые насаждения (яблони, груша, айва), 993 — косточковые (абрикосы, из которых только 405 га — плодоносящие насаждения), 57 — виноградники, 62 — тутовник⁷⁰. Согласно отчетам, все полученные на колхозных полях фрукты сдавались на консервный завод в Шайдане. Однако в действительности сады представляли собой источник дополнительных доходов, вокруг которых складывались разнообразные сети отношений. Объясняется это тем, что садовые территории — в основном абрикосовые и яблоневые — находятся в горных ущельях, где нет электричества и хороших дорог, и раскинуты на многие десятки километров. Не только урожаи, но и земли, занятые садовыми насаждениями, в таких условиях точно сосчитать невозможно. Поэтому неучтенная или не полностью учтенная продукция становилась предметом неформальных договоренностей: колхозные руководители либо продавали ее через сеть перекупщиков, либо передавали в пользование колхозникам, частично компенсируя им тяжелую работу на хлопке. Распределение этого урожая могло быть и источником наживы, и инструментом контроля, подкупа и своеобразной круговой поруки.

⁶⁹ Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1995 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 3, д. 165. Л. 8 об. — 9 об. Куда вывозился хлопок в начале 1990-х годов — этот вопрос остался вне моего внимания. Возможно, как и прежде, в Россию.

⁷⁰ Там же. Л. 12 об.

С конца 1980-х годов колхоз начал сдавать сады в аренду, а потом перестал и перешел к более простой схеме — продаже фруктов напрямую всем желающим за живые деньги. В каждой бригаде, у которой был свой сад, в 1995 году была создана комиссия из двух человек, которые занимались этой продажей и вели учет поступающих средств. В конце июля в садах Шевара, Кызыл-олма и Гарвона начинался сбор абрикосов и все могли официально и сравнительно дешево купить их у колхоза — по 5 таджикских рублей за килограмм плодов (0,05—0,1 доллара по курсу того времени). Эти абрикосы потом сушились и продавались по гораздо более высокой цене перекупщикам, которые, в свою очередь, перепродавали либо сами отвозили эту продукцию в Узбекистан, Казахстан и Россию.

В тот год я слышал в Ошобе много разговоров о том, что «правильнее» было бы отдавать эти абрикосы простым колхозникам в счет оплаты работы в колхозе, поскольку деньги им платить перестали, а платили натурой — маслом, пшеницей. Но руководство колхоза и само было заинтересовано в получении реальных денег, поэтому не хотело идти на такую меру — при этом покупка в больших объемах была доступна не всем, а только тем, кто имел большие наличные суммы и транспорт, а также необходимые связи для заключения выгодной сделки.

Животноводство

Другая важная отрасль колхозного хозяйства — животноводство — функционировала примерно по тем же полулегальным правилам, что и садоводство. С одной стороны, не было почти никакой физической возможности контролировать количество скота, который большую часть года находится далеко на горных пастбищах. С другой стороны, государство, которому от колхоза нужен был главным образом хлопок, не слишком настойчиво регулировало эту сферу. Оба названных фактора позволяли всем жителям Ошобы, независимо от статуса и места работы, держать личный скот вместе с общественным, делая грань между понятиями «личный» и «общественный» очень условной.

По информации чабанов, в 1995 году в колхозе было 10 отар (*қўра*) овец и 10 отар ангорских коз. За каждой отарой смотрели четыре человека — по два человека, сменяя друг друга каждые 10 дней. Один из них, старший чабан (*чўпон*), отчитывался перед заведующим фермой. На пастбищах, многие из которых формально относились к территории Узбекистана⁷¹, скот держали с мая по сентябрь, осенью отару пригоняли на убранные колхозные поля, где оставалось много корма, и там содержали всю зиму в специальных загонах. В качестве зарплаты в 1995 году каждый чабан получил мешок зерна (раньше платили по 30 руб. в месяц, плюс 400—500 руб. как «отчет» в конце года). Однако основная выгода для чабанов заключалась не в зарплате, а в возможности непосредственно контролировать численность скота в отаре, держать вместе с колхозными овцами и козами личный скот — свой и других людей. Кроме колхозных стад летом в горах находились еще четыре-пять народных отар из Ошобы, в которых содержался только личный скот.

Сколько реально скота паслось в горах, сказать трудно. По данным Аштского районного отдела статистики, в 1994 году в «Калинине» было 1120 голов крупного рогатого скота (в том числе 302 коровы), 7784 козы и овцы и пять лошадей. Один чабан рассказал мне, что в его отаре насчитывалось 800 колхозных и около 200 частных коз, в среднем же в одной отаре было 500 колхозных коз, что давало примерно 10 тыс. голов колхозного скота и, если взять число 200 за основу, 4 тыс. частного. Другой чабан сначала сказал, что в колхозе около 15 тыс. овец и 16 тыс. коз, а в его отаре 1,5 тыс. колхозных и 300 частных коз; в другой раз он же высказал иную версию: в колхозе сейчас 5 тыс. овец и 10 тыс. коз, а в стаде, где он работает, — 700 колхозных и 800 частных коз. Возможно, разница почти в два раза между двумя вариантами — это разница между общим и колхозным стадом. Возможно также, что такие расхождения объясняются большим падежом скота, особенно ангорских коз, который случился зимой 1994/1995 годов. Наконец, путаница в цифрах может быть связана с сокрытием информации и существованием нескольких бухгалтерий, что не по-

⁷¹ Примерно в 1999 году узбекское руководство решило взять под контроль свои границы, и горные проходы на территорию Узбекистана начали минировать.

звояло посторонним знать реальное количество скота и размеры доходов, которые получают его владельцы и сами чабаны.

Управление

С увеличением производства и расширением пространства более сложной становилась и организация колхозного управления⁷². В 1995 году она выглядела следующим образом. Во главе «Калинина» находился председатель — Имамназар Ходжаназаров, он давал только самые общие указания по стратегии развития колхоза и поддерживал связи с вышестоящими инстанциями. У председателя был первый заместитель, который фактически вел всю оперативную работу колхоза и, по сути, являлся «вторым райсом», как кто-то выразился, поскольку его подпись на документах была не менее важна, чем подпись Ходжаназарова. В советское время первым замом был парторг, который отвечал также за кадровые вопросы. В 1980-е годы на должность первого зама был назначен Икромали Турдиматов, который до этого работал в комсомоле. У председателя были также второй и третий заместители — последний занимался коммерцией.

Среди других общеколхозных должностных лиц — главный бухгалтер, председатель ревизионной комиссии (в 1995 году им был Анвар Аюбов, сын Ибрагима Аюбова), председатель профсоюзного комитета, главный инженер, отвечающий за колхозную технику (Вали Исмадиеров, сын Абдубанноба Исмадиерова⁷³), главный электрик, главный гидротехник, главный экономист, занимающийся рабочими нормами (Бегджан Турдиматов, брат Икромали Турдиматова), главный агроном (Икромали Юлдашев, сын Бободжана Юлдашева⁷⁴), главный зоотехник, главный ветврач (Мурад Юлдашев, брат Икромали Юлдашева), заведу-

⁷² Подробное описание структуры колхоза см.: *Humphrey C. Marx Went Away — But Karl Stayed Behind. Updated Edition of Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm.* Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. См. также: *Trevisani T. Land and Power in Khorezm.* P. 68, 69.

⁷³ См. Очерк 6.

⁷⁴ См. Очерк 4.

ющий центральным складом. К числу особых относились должности колхозных экспедиторов.

«Калинин» делился на четыре участка, у каждого из которых был свой заведующий. Первый участок — Ошоба — имел в своем составе пять садоводческих бригад (в одной из них бригадиром был Абдумалик Каюмов, внук аксакала Одинамата Исаматова⁷⁵). Второй участок — Мархамат (или Епугли) — это около 2000 га пашни и восемь хлопководческих, две кормодобывающие и две садоводческие бригады. Третий участок — Нижний Оппон (заведующий Мамаджан Юлдашев, брат Икромали и Мурада Юлдашевых), здесь было 1000 га пашни, восемь хлопководческих, две кормодобывающие и одна садоводческая бригады. У третьего участка — Верхний Оппон — в 1995 году не было своего заведующего, и им руководил также Мамаджан Юлдашев. Этот участок имел около 1000 га пашни, на нем трудилось пять хлопководческих бригад и одна садоводческая (бригадиром последней был Мирзаабдулло Каххаров, сын Каххара Джаркинова⁷⁶). Четвертый участок — Етти-тепа (заведующий Мумин Хошимов, сын Хошима Нурматова⁷⁷), в его подчинении было около 2000 га пашни, две кормодобывающие и семь хлопководческих бригад.

В 1995 году в «Калинине» имелась одна молочная ферма (ею заведовал Муким Мирхолдоров, брат главврача Ашурали Дехканова⁷⁸), одна телочно-откормочная ферма, одна овцеводческая и одна козоводческая (заведующий последней — Зокир Юсупов, сын Юсупа Юлдашева из рода Исламбая⁷⁹).

⁷⁵ См. Очерк 3.

⁷⁶ См. Очерки 2, 3 и 4.

⁷⁷ См. Очерк 4.

⁷⁸ См. Очерк 6. Разница в фамилиях возникла потому, что фамилия Мукима образована от имени отца — Мирхолдора, а фамилия Ашурали — от имени деда, которого звали Дехкан. Такая разница возникала между многими старшими и младшими братьями в Ошобе, которые рождались в 1940—1950-е годы. Вплоть до начала 1950-х годов ошобинцы по обычаю записывали свою фамилию по имени отца, причем в следующем поколении фамилия менялась. В начале 1950-х годов, когда были установлены постоянные фамилии и всеобщий паспортный режим, фамилию стали записывать по имени деда.

⁷⁹ См. Очерк 3.

В полевой бригаде постоянно работало примерно 15—20 человек, которые занимались поливом и культивацией полей, остальные члены бригады выходили на работу в сезоны, когда требуется дополнительная рабочая сила. Колхозник не был приписан к определенной бригаде и мог переходить из одной в другую, договорившись с бригадиром. Специализация бригад не имела буквального характера: некоторые хлопководческие бригады занимались также садоводством, а на севообороте сажали и выращивали кукурузу, пшеницу и другие культуры; в свою очередь, садоводческие бригады сажали и выращивали пшеницу, овощи, а если было необходимо, то участвовали в работе на хлопке. Кроме того, между бригадами распределялся план по сдаче коконов шелкопряда. Бригадиры, хотя и подчинялись заведующему участком, на своей территории и своими людьми управляли сами, по своему усмотрению. Впрочем, инструментов воздействия на людей у них оставалось немного: колхозники стали грамотными и были способны сами внимательно отслеживать все бухгалтерские отчеты и записи. Насилие тоже воспринималось по-другому: государство самоустранилось от принуждения колхозников, и за отказ от работы уже не могли предъявить политических и уголовных претензий, поэтому насилие со стороны бригадира превратилось в личное насилие одного ошобинца над другим, которое могло повлечь за собой и расплату — бригадиры стали побаиваться получить сдачи. Система логично пришла к подрядной форме отношений.

Подряд

Начиная примерно с 1970-х или 1980-х годов бригада стала раздавать участки по 1—2 га в подряд колхозникам, которые числились в бригаде, но не были заняты в ней постоянно, а только приезжали на свое поле для определенных работ. Такая форма, с одной стороны, позволяла более гибко использовать труд членов семьи колхозника, которые всегда помогали ему выполнять норму, а с другой — давала возможность колхозникам пользоваться побочными выгодами, которые предоставляла

хлопковый участок. Эта система прижилась и сохранилась до середины 1990-х годов⁸⁰.

Приведу пример. В 1995 году У.Д. (1939 г.р.) брал 2 га земли. Формально колхозницей была записана его жена, которая таким образом зарабатывала себе стаж для пенсии, но фактически работал У.Д. с кем-нибудь из детей, он же сам обсуждал все вопросы с колхозным начальством⁸¹. На своем участке они должны были летом выполнить следующие виды работы: прополку, «чеканку» (ломку стеблей хлопчатника), вскапывание. Остальное — полив, вспашку, посев, уборку — делали другие люди, эти работы распределял бригадир.

У.Д. считал, что такой подряд дает целый ряд выгод. Кроме стажа работы и возможности получить больший приусадебный участок это была еще и зарплата. Она начислялась по расценкам на каждый вид работы плюс проценты, если бригада выполнила или перевыполнила план; часть зарплаты выдавалась деньгами, часть — продуктами, часть в виде аванса можно было получить по заявлению в течение года. В 1993—1995 годах зарплата записывалась на особых чеках, на которые можно было что-то приобрести по государственным ценам в магазинах. Колхозник имел также возможность легально пускать траву, которая растет рядом с полем, на корм своему скоту, а также забирать и использовать в домохозяйстве в качестве топлива стебли, остающиеся после сбора хлопка на поле (*эўзатоя*). Иногда бригадир разрешал использовать несколько соток неудобной, но орошаемой земли рядом с полем (в лесополосе, по краям участка) для посадки люцерны, которая тоже идет на корм скоту. Всего этого для полного обеспечения семьи было, конечно, совсем не достаточно, но если не было другой работы, то и такое подспорье считалось неплохим. На самом деле У.Д., по его словам, искал другую, более выгодную работу где-нибудь в строительстве, но во время таких поисков работа на подряде оказывалась нелишней.

⁸⁰ См. также: *Trevisani T. Land and Power in Khorezm*. P. 107, 108.

⁸¹ Выгода в том, чтобы записать жену колхозницей, заключалась еще и вот в чем: согласно официальным нормам, женщина, у которой пять детей, должна была отработать 80 обязательных рабочих дней на участке в 2 га; женщина, у которой четыре ребенка, — 120 обязательных рабочих дней и так далее. У мужчины же нормы были намного больше. Это нормирование позволяло семье быть в меньшей зависимости от колхоза.

В условиях кризиса не брезговали всеми перечисленными возможностями, которые давал подряд, и нерядовые ошобинцы. Председатель сельского совета/джамоата признавался мне, что на имя его жены записано 2 га земли с хлопком, на нее же записываются вся выработка и вся зарплата, при этом все работы делает он сам с детьми.

Аренда

В той части колхозной экономики, которая не была связана с хлопком (и пшеницей), получила развитие аренда как способ отношений между колхозом, то есть собственником земли, и работником⁸². Колхоз на год сдавал в аренду землю для выращивания овощей, бахчевых и лука. Такая сделка была выгодна колхозу, потому что снимала с него все обязанности по поиску и удержанию рабочей силы, а также по отслеживанию технологического процесса. Арендатор сам вкладывал свои деньги в землю, сам привлекал людей и мог, соответственно, получить гарантированный урожай, часть которого обязан был сдать колхозу по установленным расценкам.

Как подсчитывали мои собеседники, в среднем при хорошей обработке поля с 1 га поливной земли можно было получить 50—60 тонн лука. Из них колхоз забирал себе 20 тонн (или денежный эквивалент по оговоренным расценкам), в счет которых предоставлял арендатору семена, трактор, удобрения; если арендатор сам находил семена и прочее, то норма сдаваемого колхозу лука уменьшалась. Остальным урожаем арендатор мог распоряжаться полностью на свое усмотрение. В 1995 году за килограмм лука в Ходженте давали 1 тыс. руб., то есть с 20—30 тыс. тонн можно было заработать 20—30 млн руб. (на тот момент это 4—4,5 тыс. долларов США).

Уход за луком — сложная, трудоемкая работа, поэтому не всем удавалось получить хорошую прибыль. Чтобы организовать этот процесс,

⁸² См.: *Trevisani T. Land and Power in Khorezm. P. 110, 111; Kandiyoti D. How far do analyses of postsocialism travel? The case of Central Asia // Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia / C. Hann (ed.). London; NY: Routledge. 2002. P. 243—245.*

необходимо было уже иметь капитал для вложения в покупку семян и удобрений, наем рабочей силы и транспорта. Это могли позволить себе немногие, поэтому аренду брали либо зажиточные люди, не включая и колхозных начальников, которые имели доступ к ресурсам, либо приезжие — в основном из Узбекистана. Многие арендаторы выращивали сразу несколько культур, чтобы распределить свои усилия и риски: один собеседник сообщил мне, что его семья взяла 5 га в аренду, из которых один засадила луком, три — пшеницей и один — кукурузой. Возможно, такая диверсификация происходила в нарушение договора, но руководители колхоза закрывали на нее глаза, поскольку аренда была предметом не только формальных, но и неформальных договоренностей по разделу доходов.

Приватизация

В 1995 году, когда я проводил свои исследования в Ошобе, экономическая система работала по тем правилам, какие сложились в конце 1980-х годов, то есть уже к окончанию советского периода. Понятия частной собственности и приватизации только-только входили в риторiku власти, только-только начинали обсуждаться в обществе и еще не стали ни массовой практикой, ни главной темой повседневных споров. Никаких внятных законов по этому поводу в Таджикистане, где шла настоящая гражданская война, принято не было, какие-то отдельные случаи оформления прав частной собственности уже происходили, но они обрастали слухами и противоречивыми суждениями. Ходили, например, разговоры, что большая территория (около 20—30 га), которая из-за поломки насоса не использовалась колхозом, была будто бы списана с баланса по некоему постановлению и куплена двумя высокопоставленными ошобинцами. Они собирались каким-то образом восстановить водоснабжение участка и сдавать его в аренду.

Более значимым для населения Ошобы стал широко развернувшийся в конце 1980-х — начале 1990-х годов процесс раздачи приусадебных участков, который, по сути, был распределением колхозной земли в личное пользование и владение, но не назывался приватизацией. Каждой

новой семейной паре предоставили право получить новый участок — 8—12 соток в Ошобе (в Шеваре или Олма) либо 15 соток в Мархамате или Оппоне, где земли было больше, но зато было меньше воды. Если в распоряжении семьи был старый участок меньшего размера, то эта семья имела право получить недостающие сотки. Таким правом могли воспользоваться как нынешние жители сельсовета, так и те, которые в свое время уехали из Ошобы. Единственным условием было наличие трудоустройства. Решение о том, сколько земли и где выделить под застройку, принимало правление колхоза, а распределяла землю специальная комиссия, при этом, как мне говорили, все участки нумеровались и потом эти номера вслепую разыгрывались, чтобы не было обиды, если кто-то получал участок хуже, чем другие.

Несмотря на то что были предприняты некоторые формальные меры для предупреждения конфликтов, они все равно возникали. Административное распределение ресурсов заставляло людей активизировать все возможные социальные связи — дружеские, родственные, соседские и прочие — с целью обеспечения дополнительных преимуществ при получении участка, столкновение же всех этих интересов порождало споры. Однако, поскольку каждый мог хоть что-то получить, это гасило недовольство и перенаправляло основные усилия людей на обустройство новых участков и получение с них доходов.

Колхозники

Зарплата

Как мы видим, отношения ошобинцев с колхозами носили очень разнообразный характер и не сводились лишь к работе в поле и получению зарплаты. Колхоз был формальным держателем или владельцем — я не претендую на точность политэкономических понятий — всех основных ресурсов в кишлаке: поливной земли, воды, садовых насаждений, пастбищ, хранилищ, техники, денежной массы, рабочих мест, должностей и так далее. Председатель колхоза, все колхозные чиновники и специалисты через запутанную процедуру принятия решений, оформления

отчетов и других документов контролировали эти ресурсы и распоряжались ими.

Формальным выражением отношений между колхозником и колхозом являлась зарплата. Порядок ее начисления определялся государственными правилами: в 1959 году был определен гарантированный минимум оплаты труда, в 1966 году — отменены трудодни и все расчеты перешли в денежную форму и так далее. Зарплата представляла собой сложную систему расчетов: она начислялась за количество рабочих дней и вид работы, который оценивался согласно утвержденным расценкам, часть зарплаты выдавалась в течение года, часть (от 30 до 60%) — в конце года по результатам деятельности колхоза, то есть в зависимости от полученных последним доходов. Колхоз мог также по заявлению колхозника выдавать ему деньги дополнительно авансом. При этом, судя по отчетам, колхоз далеко не всегда имел возможность выплатить всю причитающуюся сумму и перекладывал долг на следующий год, часть же зарплаты выдавалась продуктами (пшеницей, мукой, мясом) или списывалась в качестве платы за электричество, за газеты или горячую пищу во время обедов.

В «Справке о проверке состояния финансовой дисциплины и расчетов колхоза им. Калинина», которую составил экономист Главного управления по делам колхозов Министерства сельского хозяйства Таджикской ССР, говорилось⁸³:

Задолженность колхоза по <...> оплате труда колхозников на 1/1—68 год составляет по 868 колхозникам в сумме 96 972 рубля. Задолженность колхозников по переполученным авансам по оплате труда на 1/1—68 год составляет за 456 колхозниками в сумме 61 992 рубля, в том числе за выбывшими 47 колхозниками в сумме 7 354 рубля, за умершими 13 колхозниками в сумме 1 626 рублей <...>

В колхозе практикуется выдача неплановых денежных авансов, во многих случаях выдаются превышающие месячные заработки колхозников, особенно руководящему составу и активу колхоза <...> руково-

⁸³ Справка о проверке состояния финансовой дисциплины и расчетов колхоза им. Калинина // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 127. Л. 20—26.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

дающим работникам и специалистам колхоза — 19 лицам — в 1967 году незаконно было произведено начисление премий в сумме 3745,45 рубля.

Далее в документе перечисляются выданные «незаконно» авансы и премии: председатель колхоза — оклад 190 руб., а выдано 810,56 руб. аванса и 342 руб. премии; заместитель председателя — оклад 160 руб., а выдано 200 руб. и 228,60 руб.; главный зоотехник — оклад 160 руб., а выдано 200 руб.; председатель ревизионной комиссии — оклад 120 руб., а выдано 200 руб. и так далее.

Иными словами, когда в общих отчетах колхоза приводятся данные о зарплате колхозников, то не всегда понятно, идет ли речь о действительно выплаченной зарплате или только о расчетной, оказываются ли именно эти суммы в руках людей, или мы имеем дело с некоторой отчетно-цифровой иллюзией. Даже эти потоки денег между колхозом и колхозниками, которые вроде бы были совершенно официальными и прозрачными, в реальности обладали свойством деформироваться и приспособливаться к социальным иерархиям, личностным отношениям и каким-то нам теперь не очень понятным обстоятельствам.

Тем не менее средние бухгалтерские цифры дают представление как о величине колхозных заработков, так и о динамике изменения последних (табл. 14). По данным колхозного отчета за 1965 год, средняя зарплата работника в растениеводстве и животноводстве, тракториста и шофера составляла около 45—55 руб., бригадиры получали около 100 руб., председатель и еще несколько руководящих специалистов — от 200 до 300 руб. в месяц. В 1975 году число колхозников и интенсивность их труда значительно возросли, что было связано с освоением Большого Ашта. При этом значительно возросло и число привлеченных работников, не являющихся членами колхоза, — как ошобинцев (нетрудоспособных, школьников, учителей, врачей и других), так и приезжих (студентов, школьников). Разброс размеров зарплаты стал намного больше, но средний доход работника в поле составлял около 105 руб. в месяц. Председателю и другим основным руководителям колхоза официально начислялось примерно 300—400 руб. в месяц⁸⁴.

⁸⁴ Книга учетов и расчетов за 1975 год // ААР РТ, ф. 15, оп. 2, д. 32. [Б.л.].

Таблица 14

**Годовые выплаты колхозникам (по должностям)
за 1965, 1975 и 1985 годы**

Должности	1965 год		1975 год		1985 год	
	штатных единиц	общая выплата, руб.	штатных единиц	общая выплата, руб.	штатных единиц	общая выплата, руб.
Председатель колхоза	1	3466	1	4597	1	4685
Освобожденный заместитель председателя	—	—	1	3602	1	4121
Председатель ревизионной комиссии	—	—	1	2377	—	—
Главный бухгалтер	1	2918	1	3465	1	3492
Главные специалисты	3	8559	4	14758	5	15559
Специалисты	2	4194	3	8273	3	6145
Счетный персонал	5	7852	7	14708	14	24277
Счетные работники в бригадах и на фермах	15	12203	16	24763	27	36334
Зав. складами и гаражами	15	10045	3	3140	8	11105
Инспекторы ¹			6	7453	6	6180
Кладовщики, курьеры, шоферы			12	11407	5	6183
Зав. столовой, клубом, библиотекой, детсадами	—	—	2	1566	2	1482
Инженеры	—	—	12	23557	13	21644
Строительные бригады	1	1110	1	2414	1	1920
Зав. мастерскими	—	—	7	10606	1	2145
Охрана, сторожа	4	1879	8	8205	9	8640
Агрономы	2	2914	4	7236	5	12482
Зоотехники	?	?	2	4416	3	4870
Ветврач	1	547	?	?	1	1955
Техники, механики	—	—	1	2602	1	1955
Бригады	17	19916	19	31130	35	59468
Зав. фермами	6	5482	5	11291	6	9845
Трактористы, комбайнеры	40	26324	138	201680	223	231346
Водители грузовых автомобилей	27	14659	48	53502	72	81654

Продолжение табл. 14

Должности	1965 год		1975 год		1985 год	
	штатных единиц	общая выплата, руб.	штатных единиц	общая выплата, руб.	штатных единиц	общая выплата, руб.
Электромонтеры	—	—	2	2284	2	3360
Работники в животноводстве	93 ²	61115	181 ³	78612	226	380409
Работники в ремонтных мастерских	4	3419	7	13694	33	26896
Строители	12	20657	36	46665	14	22823
Сторожа, повара в бригадах	—	—	7	4682	28	14628
Полевые объездчики	—	—	1	600	3	2960
Заправщики	—	—	—	—	2	2180
Воспитатели, библиотекари	—	—	1	792	?	?
Почтальоны	4	1606	—	—	—	—
Сторожа, повара	4	1867	9	10232	2	1552
Работники в растениеводстве	493 ⁴	285593	475 ⁴	601536	890	1851963

Источники: Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1965 год // ФГАСО, ф. 124, оп. 1, д. 111. Л. 2 об., 3; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1975 год // ФГАСО, ф. 124, оп. 2, д. 21. Л. 10, 10 об., 11 об.; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1985 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 3, д. 57. Л. 12—13.

¹ В 1975 году — экспедиторы, секретари и др.

² Суммированные данные.

³ Суммированные данные: из 181 человека 126 — чабаны, которые получили 138 549 руб.

⁴ Из них заняты в хлопководстве 385 человек — 513 716 руб.

В 1980-е годы продолжались углубление специализации труда и рост зарплаты. Выплаты работнику в растениеводстве в среднем составляли, по данным 1985 года, около 170 руб. в месяц. Обращает на себя внимание то, что этот показатель стал выше, чем официальные выплаты бригадирам или, например, трактористам и шоферам (в 1975 году было наоборот). Я могу объяснить это тем, что последние, во-первых, получали много неформальных бонусов от своей должности, а во-вторых, имели

стабильный месячный оклад вне зависимости от интенсивности и тяжести труда, тогда как обычные колхозники, чтобы получить более высокий доход, должны были тратить намного больше усилий и времени.

Домашнее хозяйство

Монополия колхоза на владение всеми основными ресурсами, что было необходимо исключительно для развития и поддержания хлопководства, являлась основным фактором, который определял экономическую жизнь Ошобы и экономические стратегии ошобинцев. Значительное увеличение орошаемых площадей в 1960—1980-е годы сопровождалось ростом количества рабочих мест в колхозе и некоторым ростом заработков колхозников. Однако при существенном увеличении численности населения колхозная экономика не могла обеспечить всех работой, да и заработки, которые зависели от государственных закупочных цен, все равно оставались сравнительно небольшими. Это вынуждало жителей кишлака интенсифицировать производство в домашнем хозяйстве — на приусадебном участке, в подворном животноводстве, в кустарных промыслах и торговле.

Домашнее хозяйство ошобинцев было устроено как многоотраслевая мини-экономика, в которой присутствует, с одной стороны, диверсификация видов деятельности, а с другой — специализация, то есть разделение видов деятельности на первостепенные и второстепенные⁸⁵. Первое позволяло обеспечить хотя бы некоторую сбалансированность источников дохода, минимизировать риски и таким образом избежать

⁸⁵ См. статьи Дениз Кандиоти о семейной экономике в постсоветском Узбекистане: *Kandiyoti D. Rural livelihoods and social networks in Uzbekistan: perspectives from Andijan // CAS. 1998. Vol. 17. № 4. P. 561—578; Eadem. Poverty in Transition: An Ethnographic Critique of Household Surveys in Post-Soviet Central Asia // Development and change. 1999. Vol. 30. P. 499—524; Eadem. The Cry for Land: Agrarian Reform, Gender and Land Rights in Uzbekistan // Journal of Agrarian Change. 2003. Vol. 3. № 1—2. P. 225—256. См. также: *McAuley A. Living Standards in Uzbekistan, 1960—84 // Political and Economic Trends in Central Asia / Sh. Akiner (ed.). London; NY: British Academic Press, 1994. P. 114—142.**

кризиса всего домашнего хозяйства в случае каких-либо неблагоприятных обстоятельств. Второе же давало возможность максимизировать доходы от наиболее выгодных отраслей. При этом хочу подчеркнуть, что домашнее хозяйство нельзя считать чем-то совершенно отдельным, автономным от колхозной экономики, да и вообще, условно говоря, от государственной экономики, — их связывали многочисленные и разнообразные взаимозависимости⁸⁶.

Приусадебные участки ошобинцев сегодня расположены в трех климатических зонах, которые различаются количеством тепла и воды, а также давностью возделывания, — горные ущелья (Шевар, Кызылолма), предгорье (собственно Ошоба) и часть Аштской степи (Оппон, Мархамат), которая сравнительно недавно была орошена и освоена под сельское хозяйство. В зависимости от зоны различаются виды высаживаемых сельскохозяйственных культур и режимы ухода за ними. Приусадебный участок был, как правило, специализирован под садоводство, дополнительно к этому на нем выращивались некоторые виды овощей, зелени, картофель, а также джугара (в начале 1990-х годов из-за резкого подорожания муки стали выращивать пшеницу). В 1920—1940-е годы садоводство специализировалось на тутовнике, абрикосах и яблоках, которые ценились на местном рынке. В 1950—1980-е годы произошла переориентация на абрикосы и черешню, что было связано с предпочтениями нового рынка — российского, который стал основным покупателем ферганской садовой продукции. В самой Ошобе наиболее популярной культурой стали абрикосы, которые жители собирали, сушили и продавали перекупщикам — местным и приезжим. В середине 1980-х годов килограмм сушеных абрикосов — кураги⁸⁷ — стоил здесь примерно 6 руб., в Москве — от 8 до 12 руб.⁸⁸ Сад с десятью плодоносящими деревьями давал около 100 кг кураги, или 600 руб. В начале 1990-х годов спрос на среднеазиатскую курагу в России упал, а издержки

⁸⁶ Критику понятия дуальной экономики применительно к Средней Азии см.: *Rasanayagam J. Spheres of Communal Participation: Placing the State within Local Modes of Interaction in Rural Uzbekistan // CAS. 2002. Vol. 21. № 1. P. 55—70.*

⁸⁷ Курага (*баргак*) — сушеные абрикосы без косточки, обработанные серой. Они считаются самыми дорогими на рынке.

⁸⁸ См.: *Поляков С.П. Традиционализм. С. 25, 26.*

на дорогу многократно возросли, что привело к снижению цен и уменьшению доходов: килограмм стал стоить 4—5 тыс. российских руб., или около 1 доллара, что давало доход с тех же десяти деревьев в 100 долларов.

Домашнее животноводство в Ошобе включает в себя разведение крупного рогатого скота, овец и коз, а также птицеводство. Эта отрасль, которая всегда считалась в кишлаке основным показателем богатства, также претерпела в послевоенное время существенные изменения. Рабочий скот, который был очень важен в XIX и первой половине XX века, полностью исчез, сократилось поголовье лошадей и ослов. Овец держали для продажи или ритуальных мероприятий. Козоводство осталось ведущей специализацией, но мясные породы были заменены на ангорскую козу, которая давала пух, опять же востребованный на российском рынке (табл. 15).

Таблица 15

**Поголовье скота в сельском совете/джамоате Ошоба
в 1992 и 1995 годах**

	1992 год	1995 год ¹
Крупный рогатый скот (в том числе коровы)	1490 (758)	1617 (1014)
Овцы	4273	3112
Козы	14382	7380

Источник: По данным сельского совета/джамоата Ошоба.

¹ Резкое уменьшение поголовья овец и коз в 1995 году было связано с болезнью и мором, которые поразили стада в 1993—1994 годах.

В 1970-е годы, по рассказам, цена за 1 кг белой шерсти доходила до 50 руб. в Ошобе и до 100 руб. в России, а за 1 кг черной шерсти, которая ценится выше, — до 100 руб. в Ошобе и 180 руб. в России. Одна ангорская коза дает в среднем 2 кг шерсти в год, среднего размера стадо было пять голов (не считая молодняка), в стаде обычно находились одна черная коза и четыре белых — умножаем и получаем в год 10 кг шерсти (из них, допустим, 2 кг черной и 8 кг белой). Если продавать

шерсть перекупщику в Ошобе, то доход мог составить 600 руб., что сопоставимо с половиной годовой зарплаты колхозника. Были хозяйства, которые имели до ста и даже более коз; это требовало, правда, больших издержек на их содержание, но доход в таких случаях мог быть по советским меркам огромным. В 1995 году килограмм белой шерсти стоил в Ошобе около 10 тыс. российских рублей и в России — 40 тыс. руб., или примерно 2 и 8 долларов, а килограмм черной шерсти — соответственно около 40 тыс. и 100 тыс. руб., или 8 и 20 долларов; пух пяти коз, проданный в Ошобе, мог принести не более 50 долларов США.

Домашние промыслы в кишлаке отличались многообразием — здесь можно было встретить и строителей, и кузнецов, и хлебопеков, и мастеров по ремонту техники, и народных врачей и так далее⁸⁹. Любые навыки использовались для подработки, иногда такие профессии становились, по сути, основным источником доходов, а работа в колхозе носила формальный характер и была нужна постольку, поскольку позволяла избежать уголовных обвинений в «тунеядстве», иметь рабочий стаж, пенсии, государственные льготы и право на дополнительные сотки приусадебного участка.

Пожалуй, самым распространенным промыслом в кишлаке являлось изготовление паласов (*шолча*) и ковров (*гилам*), с переориентацией на ангорских коз стали также вязать на продажу платки и шарфы (Илл. 19). Это сугубо женское ремесло, которому обучают практически в каждой семье и владение которым стало в Ошобе важным показателем достоинств девушки на выданье: навыки рукодельницы повышали ее статус и гарантировали, с одной стороны, более выгодную брачную партию, а с другой — более богатые приношения со стороны семьи жениха.

Ковроткачество ориентируется на сугубо местный рынок: кустарным образом изготовленные ковры и паласы всегда пользовались в регионе большим и постоянным спросом. При этом оно требовало постоянной занятости и сырья — хлопка или хлопковых нитей. Во время Отечественной войны, по воспоминаниям, кто-нибудь из богатых и предпри-

⁸⁹ Упомяну еще такой промысел, как сбор и изготовление наркотических веществ (анаша и другие), но оставляю его за рамками своего повествования. Скажу лишь, что в Ошобе этот промысел не приобрел значимых масштабов.

Илл. 19. Изготовление шолча, 1995 г.

имчивых родственников ехал в Коканд и покупал там хлопок, привозил его в Ошобу и раздавал «своему хейшу», то есть родне, с условием, что сотканые ковры и паласы будут возвращены ему же, затем отвозил их обратно в Коканд и продавал там дороже, потом опять покупал хлопок и так далее. За месяц одна женщина могла изготовить четыре паласы и заработать на этом около 20 руб., что было выше колхозных заработков. В 1980-е годы один палас стоил в Ошобе примерно 25 руб., что могло с учетом довольно небольших издержек дать до 70—80 руб. ежемесячных доходов. Я веду подсчет в данном случае по месяцам, потому что ковроткачество в домашних условиях не было круглогодичным производством — им занимались только зимой и в другое свободное от работы в колхозе и на приусадебном участке время⁹⁰.

⁹⁰ Здесь замечу, что еще в 1940-е годы в Ошобе образовалась артель по изготовлению *шолча*, которая называлась «Кахрамон» («Герой»). Контора (и склад) артели находилась в помещении прежней мечети — там женщины собирались и вместе ткали паласы. В 1967 году артель была преобразована в промкомбинат («паласный цех Ошобы Аштского объединения мастериц-надомниц»), в нем числилось тридцать женщин, каждая из которых работала у себя дома, зарплата была сдельной — от 100 до 250 руб. в месяц.

Наконец, не было в начале 1990-х годов, наверное, ни одного хозяйства в Ошобе, которое не пыталось бы заниматься торговлей, покупкой и перепродажей, получая доходы от разницы цен. Одни специализировались на продуктах и вещах, которые производятся в Ошобе, — садовых культурах, овощах, козьем пухе, коврах, паласах, шарфах и так далее — их скупали на маленьком ошобинском базаре или непосредственно у родственников и соседей и перепродавали либо другим перекупщикам, либо на местных рынках, либо, если имели достаточно денег, везли товар в Узбекистан и даже в Россию, где прибыль могла быть намного больше. Другие, наоборот, занимались закупкой продуктов и вещей, которые пользуются более или менее массовым спросом в самой Ошобе. Для одних это были мелкие и побочные приработки, для других торговля становилась главным источником доходов, поэтому выявить какие-то усредненные, типичные размеры доходов в этом случае мне оказалось затруднительно.

В советское время отношение ко всем этим видам деятельности было весьма противоречивым. Государство относилось к ним в целом подозрительно, пыталось всячески их контролировать, учитывать и ограничивать (вводя, например, лимиты на размеры приусадебных участков или на домашний скот), что придавало домашней экономике характер не вполне легальный. В публичной советской риторике господствовало моральное осуждение частной торговой деятельности как спекуляции. Доходы от торговли и домашнего хозяйства считались не вполне честно заработанными. Вместе с тем невысокие заработки в колхозе и вообще на государственных предприятиях вынуждали людей, в том числе местную элиту (колхозных администраторов и специалистов, учителей, врачей), активно заниматься всеми этими видами хозяйственной деятельности. Более того, в местной культуре (и в мусульманской риторике, которая сохраняла свою легитимность в локальных отношениях) эти экономические практики считались не просто разрешенными, а одобряемыми и поощряемыми. В результате представители государственной власти, публично декларируя осуждение подобных практик, в действительности

Материалы для изготовления *шолча* поступали из отходов Кайракумского коверного комбината и Канибадамской прядильной фабрики.

вступали в разного рода договорные отношения с местным населением, закрывая глаза на нарушения каких-то лимитов и норм, если эти нарушения не бросались в глаза и не становились поводом для сведения счетов. В конце концов, главным, официально декларируемым интересом государства был хлопок, все остальное существовало по умолчанию (или даже при некотором осуждении), но как неизбежность, которая по большому счету всех устраивала, а порой и как необходимость — источник личных доходов и способ оплатить самые разные услуги.

Миграции

Как я уже говорил, колхозная экономика, несмотря на значительные темпы ее расширения, в силу ориентации преимущественно на хлопковое производство не обеспечивала все население Ошобы постоянной и достаточно оплачиваемой работой. Это вынуждало людей искать дополнительных доходов в домашнем хозяйстве. Однако и последнее не могло прокормить всех по причине естественных и искусственных ограничений — размеры приусадебных участков были лимитированы, садоводство и козоводство приносили нестабильный доход, прибыльный российский рынок открывался постепенно, так что и цены достигли своего пика лишь к середине 1980-х годов. Ситуация не изменилась радикально и в начале 1990-х годов, несмотря на массовую раздачу части колхозной орошаемой земли и пастбищ под приусадебные наделы ошобинцев, поскольку в результате кризиса и распада единого государства доходы от сельскохозяйственного производства резко упали.

Одной из причин сложной ситуации на местном рынке труда был быстрый рост населения в 1950—1980-е годы (табл. 16 и 17), который обуславливался несколькими факторами. Во-первых, локальные брачные и семейные практики и ценности, подкрепленные кроме всего прочего авторитетом ислама, предписывали женщине роль матери и способствовали высокой рождаемости. Во-вторых, социальные выплаты от государства и другие льготы, предоставлявшиеся в связи с рождением детей, едва ли не перевешивали заработки в колхозе и являлись сильным

Таблица 16

**Численность населения сельсовета Ошоба в 1951, 1963, 1970, 1980,
1989 и 1995 годах**

	1951 год	1963 год	1970 год	1980 год	1989 год	1995 год
Все хозяйства	671	985	1091	1337	2036	2657
Все население	3305	4544	5473	7626	10797	13980
Хозяйства колхозников	645	922	989	1215	?	?
Члены хозяйств колхозников	3220	4216	4842	6895	?	?
из них отсутствующие	64	229	303	84	?	?
Хозяйства рабочих и служащих	26	63	102	122	?	?
Члены хозяйств рабочих и служащих	85	328	631	731	?	?
из них отсутствующие	—	8	30	21	?	?

Источники: ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 26. Л. 5; ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 91. Л. 1; ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 152. Л. 4; ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 3, д. 85. Л. 5. Также я использовал данные Аштского районного отдела статистики.

материальным стимулом рожать больше. В-третьих, внедрение новых медицинских институтов и способов лечения снизило смертность, в том числе детскую⁹¹.

Закономерным результатом сложившегося положения стала массовая миграция ошобинцев за пределы Ошобы.

В начале 1940-х годов в южных отрогах Кураминского предгорья были открыты рудодобывающие шахты, около которых возникли рабочие поселки Адрасман, Кансай, Чайрух, Табошар и другие. Такие же шахты открылись в соседнем Ангренском районе Узбекистана. Первоначально здесь добывали уран и работали в основном немецкие военнопленные и приезжие специалисты из России, но в 1950-е годы добычу урана прекратили и шахты перепрофилировали на добычу цинка, свинца, других металлов. После выезда немцев шахты и предприятия стали за-

⁹¹ См. Очерк 6.

Таблица 17

Работающие в колхозе «Калинин» в 1955, 1965, 1975 и 1985 годах

	1955 год	1965 год	1975 год			1985 год			
Мужчины	447	469	670			928			
Женщины	269	337	573			834			
Другие трудоспособные	31	5	224			537			
Нетрудоспособные	89	235	32			83			
Престарелые	?	?	241			187			
Подростки	10	268	131			185			
<i>Работали по месяцам:</i>	Всего колхозников	1. Всего колхозников	2. Привлеченные	1. Всего колхозников	2. В том числе трудоспособные	3. Привлеченные	1. Всего колхозников	2. В том числе трудоспособные	3. Привлеченные
Январь	324	324	—	686	525	—	829	769	—
Февраль	285	407	—	729	684	—	868	815	—
Март	315	452	—	742	704	—	974	893	236
Апрель	540	494	—	812	781	—	1296	1104	489
Май	661	785	—	874	814	68	1542	1369	612
Июнь	716	896	—	915	846	124	1329	1208	617
Июль	689	1045	—	942	866	83	1290	1189	415
Август	710	942	—	1028	949	46	1268	1194	408
Сентябрь	705	978	215	1156	1080	356	1321	1198	963
Октябрь	801	872	465	1286	1164	484	1458	1205	1016
Ноябрь	712	645	215	964	867	303	1283	1028	1403
Декабрь	613	542	—	654	628	—	815	742	—

Источники: Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1955 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 53а. Л. 3 об.; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1965 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 111. Л. 2; Годовой отчет колхоза «Калинин» за 1975 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 2, д. 21. Л. 9 об.; Годовой бухгалтерский отчет по основной деятельности колхоза «Калинин» за 1985 год // ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 3, д. 57. Л. 10 об.

полняться приезжими русскоязычными рабочими. Некоторые поселки по-прежнему сохраняли стратегическое значение и подчинялись, минуя Душанбе, напрямую Москве, что давало их жителям значительные преимущества в зарплате, снабжении продуктами и товарами, а также повышало административную самостоятельность местной власти. Поэтому многие жители аштских кишлаков, в том числе и Ошобы, стремились устроиться туда на работу и остаться там жить.

В 1940—1950-е годы выехать из Ошобы в другие регионы на постоянное место жительства было сложно — для этого надо было сперва раздобыть в сельсовете справку на получение паспорта, то есть, по сути, специальное разрешение на выезд. Председатель сельского совета имел право отказать и часто в таких случаях отказывал, поскольку в колхозах, которым было дано задание осваивать под хлопок новые земли около СФК, рабочих рук не хватало. Тем не менее заинтересованность руководства шахт в трудовой силе плюс какие-то личные договоренности и связи позволяли некоторым ошобинцам покидать кишлак и колхоз. В 1960—1980-е годы, когда паспорта стали выдаваться автоматически, миграция приобрела больший размах.

Наиболее многочисленная община выходцев из Ошобы сформировалась в Адрасмане. По разным оценкам, в конце 1980-х годов в этом поселке проживало до 6—7 тыс. ошобинцев, многие из них здесь родились и выросли. Выходцы из Ошобы жили также в Табшаре, Кансае, Чайрухе, Ангрене, не считая, конечно, Ходжента, Душанбе, Ташкента и Коканда, куда они тоже нередко уезжали работать и жить. У каждой такой общины возникли новые — более городские — социальные и культурные практики (привычка жить в многоквартирных домах, где соседями могли быть русскоязычные жители, ходить в «европейской» одежде, питаться «европейской» пищей и т.д.), новые родственные и дружеские сети, иерархии авторитетов, но тем не менее эти выходцы из Ошобы продолжали сохранять ошобинскую идентичность и регулярные отношения с ошобинским обществом, в частности считалось обязательным приезжать в кишлак по религиозным праздникам и посещать могилы предков.

В начале 1990-х годов «московское» снабжение в Адрасмане и других шахтерских поселках исчезло, зарплата стала символической — мастер получал в месяц 2—2,5 тыс. таджикских рублей, то есть около 40—50 долларов (Илл. 20). Постоянный график работы не позволял

Илл. 20. Адрасманский обогатительный комбинат, 2010 г.

рабочим на шахте заниматься домашним хозяйством, поэтому каких-то существенных дополнительных источников заработка у них не было. Кто-то ушел в отпуск или уволился и уехал искать работу на российских шахтах, кто-то попытался заняться торговлей, используя хорошее знание русского языка и связи с русскоязычным населением. Многие же стали возвращаться в Ошобу, где могли хотя бы получить приусадебный участок и завести скот, кто-то устроился в колхоз или взял землю в аренду. Впрочем, это было тоже трудное возвращение — для людей, привыкших к почти городскому образу жизни, к квартирам в многоэтажных домах и к магазинам. Как признавался мне один ошобинец-адрасманец, в кишлаке «все какие-то некультурные». Некоторые бывшие рабочие оформили на себя участки в Ошобе, но окончательно переезжать в родной кишлак не спешили⁹².

⁹² В 1997—1998 годах начнется массовая миграция жителей Таджикистана в поисках работы в Россию, но этот процесс уже выходит за хронологические рамки моего исследования.

* * *

Завершая этот длинный экскурс в экономическую и отчасти демографическую историю Ошобы, хочу вернуться к проблеме модернизации и традиционализма, к тому, как оба эти понятия прилагаются или не прилагаются к ошобинской реальности. Сомнения начинаются с понимания, что даже разнообразные отношения и практики, которые существовали здесь в 1920-е годы, невозможно втиснуть в рамки традиционализма — локальное сообщество уже тогда находилось под воздействием множества внешних факторов и событий, ломавших прежние устойчивые стратегии жизни. С тех пор изменения в экономике прошли целый ряд этапов, каждый из которых имел свою историческую динамику, свой масштаб, своих акторов и логику. Сложившиеся в XX веке в результате многочисленных реформ и трансформаций советские хозяйственные практики назвать традиционными еще труднее, если под этим термином понимать тот образ жизни, который вели ошобинцы в XIX веке, но и говорить без каких-либо оговорок о современности, беря за ее образец европейскую или даже российскую экономику, тоже не приходится.

Мы видим, что экономическая жизнь Ошобы имела чрезвычайно многослойную структуру — с различными способами получения доходов, различным технологическим оснащением, различными социальными сетями, различными уровнями контроля со стороны государства и так далее. Мы видим, что отдельные люди и семьи были тесно вовлечены одновременно во все сферы и при этом в случае необходимости легко меняли свои приоритеты, сочетали разные ресурсы, а их экономические стратегии заключались в том, чтобы поддерживать и интенсифицировать любые имеющиеся и вновь открывающиеся возможности. Мы видим также, что и государство, которое массивными инвестициями превратило производство хлопка в основную хозяйственную отрасль Ошобы и радикальным образом обновило всю инфраструктуру кишлака и региона, сознательно сохранило вне хлопковой экономики не менее мощный частный сектор производства целого ряда необходимых местным жителям товаров, реконструировав его и превратив в источник неафишируемых дополнительных доходов, обменов, обязательств. Эти два разных сектора можно назвать «первой» и «второй», официальной и неофициальной (или подпольной), легальной и нелегальной (еще и по-

лулегалной), открытой и теневой (или серой) экономиками⁹³. Однако такое разделение в данном случае будет очень условным — в действительности эти разные производства дополняли друг друга и создавали тот баланс интересов, благодаря которому, по крайней мере в позднесоветское время, поддерживались относительно нормальный уровень жизни и политическая лояльность населения.

Как, каким языком нужно описывать/характеризовать итоги советских трансформаций в экономике Средней Азии? Обратимся к существующим размышлениям на эту тему. В своей статье «Модернизация без рынка?» британская исследовательница Дениз Кандиоти обращает внимание на парадоксальное различие оценок советской эпохи: от восхищения достигнутыми в этот период результатами развития «мусульманских окраин» до полного отрицания того факта, что советской власти действительно удалось что-либо существенно изменить в их жизни⁹⁴. Вслед за постколониальной критикой, рассматривающей разные варианты концепции модернизации как своего рода продолжающуюся гегемонию Запада над остальными частями света, в том числе и над своими бывшими колониями, Кандиоти объясняет эти две крайности идеологическими пристрастиями тех, кто такие оценки давал, — западных советологов, с одной стороны, и советских этнографов, с другой⁹⁵. Сама она предлагает рассматривать коллективизацию как более сложный процесс взаимодействия, когда советизация и изменение местных социальных институтов происходили вместе с местной колонизацией (я бы заменил последнее понятие на «локализация») уже самих советских институтов. При этом Кандиоти ссылается как на фактологическую часть

⁹³ См., например: *Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26. № 5. P. 25—40; Ledeneva A. Russia's Economy of Favors: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge University Press, 1998; Тимофеев А. Институциональная коррупция. М.: РГГУ, 2000; Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд. М.: ОГИ, 2006.*

⁹⁴ *Kandiyoti D. Modernization without the market? The case of the «Soviet East» // Economy and Society. 1996. Vol. 25. № 4. P. 529—542.* Ссылки я буду делать на более позднее переиздание: *Kandiyoti D. Modernization without the market? The case of the «Soviet East» // Anthropology, Development and Modernities: Exploring Discourses, Counter-Tendencies and Violence / A. Arce, N. Long (eds.). London and New York: Routledge, 2000. P. 52—63.*

⁹⁵ *Ibid.* P. 53.

работы Полякова, так и на известные исследования своей британской коллеги Кэролайн Хамфри⁹⁶, которая, изучая колхозы в советской Бурятии, показала, что колхозная экономика включала в себя и даже усиливала традиционалистские отношения обмена, подарков и реципрокности. Автор статьи подытоживает: «То, что в данном контексте называют “традиционализмом”, в действительности было беллетризованным и заранее предопределенным итогом конкретного варианта модернизации, в котором, перефразируя Маркса, “все твердое”, вместо того чтобы “таять в воздухе”, превращается в странную пародию на самое себя»⁹⁷.

Свои размышления Кандиоти продолжает в статье «Сравнивая постколониализмы: возможности и ограничения на Среднем Востоке и в Центральной Азии», которая появилась в 2002 году⁹⁸. Но на этот раз ее больше интересует возможность анализировать советский опыт трансформаций в Средней Азии с точки зрения постколониальных концепций и концепций зависимости, в которых подчеркивается в первую очередь подчиненный характер бывших колоний, окраин и периферий, из чего далее объясняются особенности их экономик и социального устройства. Британская исследовательница весьма осторожно относится к перспективе безоговорочного применения этой модели к советскому случаю. Она обращает внимание на то, что последний имеет несколько иную траекторию, и предлагает перенести акцент с подчинения на гибридность⁹⁹. Термин «гибридность» заимствован ею также из постколониальных исследований, но именно он представляется Кандиоти наиболее приемлемым обозначением для смешанных практик, в том числе экономических, в советской и постсоветской Средней Азии¹⁰⁰.

⁹⁶ См.: *Humphrey C.* Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

⁹⁷ *Kandiyoti D.* Modernization without the market? P. 62.

⁹⁸ *Kandiyoti D.* Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34. № 2. P. 279—297.

⁹⁹ *Ibid.* P. 291.

¹⁰⁰ Все эти темы развиваются и в других статьях Кандиоти: *Kandiyoti D.* How far do analyses of postsocialism travel? The case of Central Asia // *Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia* / C. Hann (ed.). London; NY: Routledge. 2002. P. 238—257; *Eadem.*

В работах Кандиоти мне важен ясно продекларированный отказ от дихотомических схем. Постколониальная перспектива и концепция гибридности не являются в этом смысле единственно возможными отправными точками для анализа. К созданию более сложных моделей приходят исследователи и с другими теоретическими предпочтениями и словарями¹⁰¹. Но, кажется, они разделяют общий вывод: вместо противопоставления традиционализма и современности плодотворнее было бы вести речь о сложном взаимодействии локальных и транслокальных сетей, о разных способах управления и доминирования, различных механизмах контроля и разной степени прозрачности, о стратегиях выживания и максимизации прибыли.

Этот сплав или гибрид не делился таким образом, как об этом пишет Поляков, — на замкнутые, неизменные и даже противоположные сущности, которые будто бы изолированно сосуществовали в советской экономике. Разные виды или сферы хозяйственной (и всякой другой) деятельности не являлись совершенно автономными — они не просто взаимодействовали, но дополняли друг друга, проникали друг в друга, трансформировались в результате взаимного влияния. При том что одни сферы имели официальный характер и маркировались как современные (социалистические), а другие могли рассматриваться как нелегальные, теневые и порой именовались традиционными (феодальными или мелкобуржуазными пережитками), возникшая из их симбиоза экономическая модель была единой, ее элементы находились в равновесии или, во всяком случае, стремились к нему, и перемены в одной области неизбежно сказывались на всех остальных областях. Могла ли эта модель оставаться устойчивой и дальше — вопрос спорный и требующий самостоятельного изучения, но то, что с ее помощью бедный горный кишлак превратился в центр огромного хлопководческого производства и эпицентр строительного бума, — факт, сомнению не подлежащий.

The Politics of Genders and the Soviet Paradox: Neither Colonized, Nor Modern? // CAS. 2007. Vol. 26. № 4. P. 601—623.

¹⁰¹ См.: *Zanca R.* Life in a Muslim Uzbek Village; *Trevisani T.* Land and Power in Khorezm; *Rasanayagam J.* Spheres of Communal Participation.